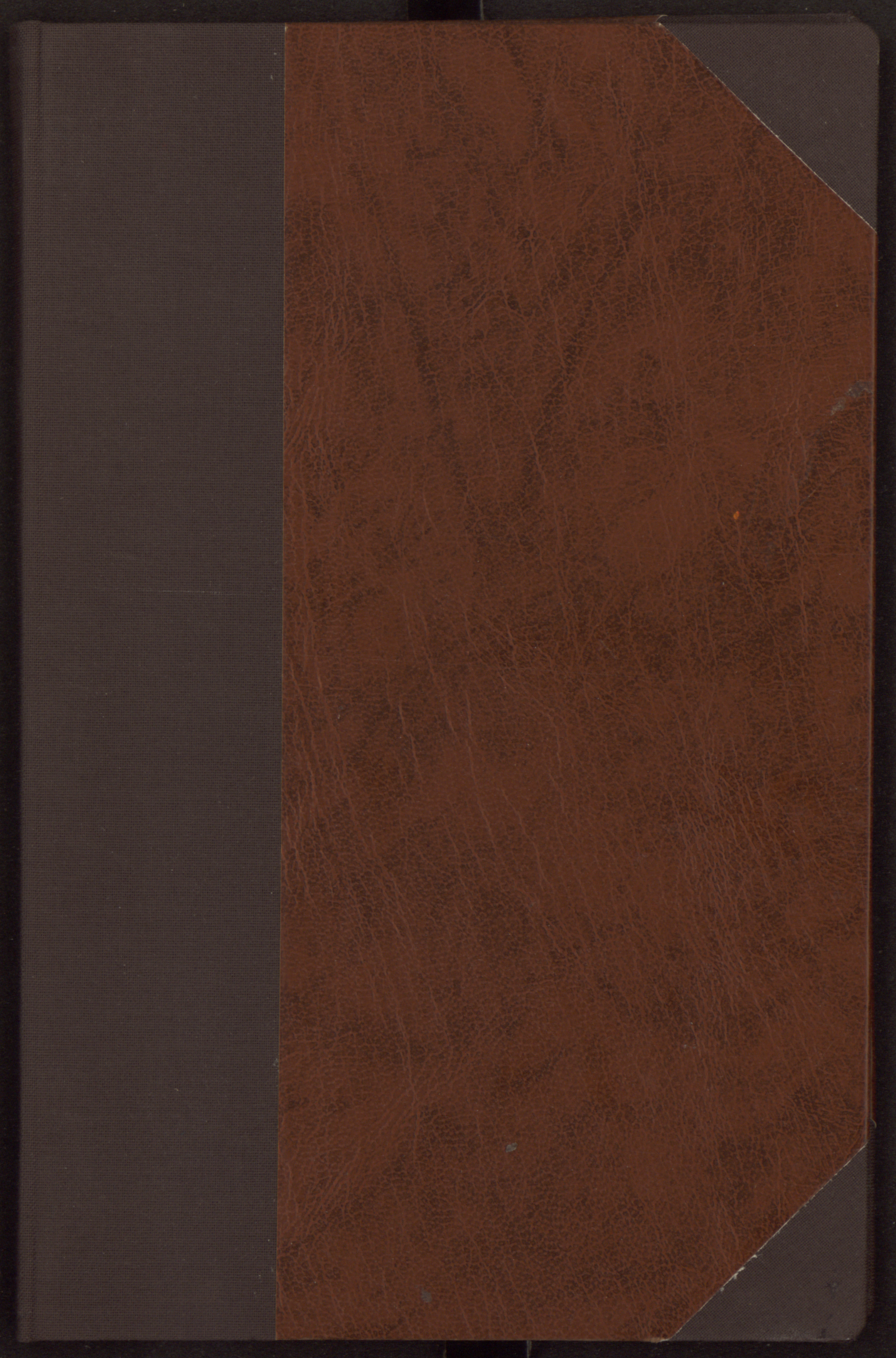

А. А. Аскольдовъ.

ПАМЯТИ ГЕРМАНСКАГО ПЛѢНА.

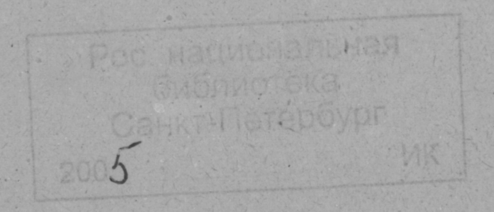
ИЗДАНО
„Славянскимъ Издательствомъ" въ Прагѣ.

А. А. АСКОЛЬДОВЪ.

ПАМЯТИ ГЕРМАНСКАГО ПЛѢНА.

ИЗДАНО
„Славянскимъ Издательствомъ" въ Прагѣ.

Типографія Neuber, Pour a spol., Praha 855 I.

РОССІЙСКІЙ ГИМНЪ.

(сост. въ 1914 г. по объявленіи войны.)

Подымайся Россія съ широкихъ полей,
Выходи изъ дремучихъ лѣсовъ!
Донеслися намъ звоны тяжелыхъ цѣпей,
Донеслися намъ стоны рабовъ.
Закаленный въ бою нашъ великій народъ,
Онъ придетъ по колѣна въ крови,
Принесетъ онъ свой факелъ великихъ свободъ,
Принесетъ свое знамя любви.
Не боится враговъ, не страшится онъ бурь,
Онъ привыкъ проливать свою кровь;
Съ дѣтскимъ сердцемъ глядитъ въ голубую лазурь,
Вѣритъ онъ въ неземную любовь.
Наше бѣлое знамя степей и лѣсовъ.
Дорогъ намъ каждый братскій народъ,
Вмѣстѣ, дружно сойдемся мы въ бой на враговъ
Подъ эмблемою чести, свободъ.
Подымайся Россія съ широкихъ степей,
Выходи ивъ дремучихъ лѣсовъ, —
Чтобы не было больше на свѣтѣ цѣпей,
Чтобы не было больше рабовъ!

БОЙ.

(РОНЧКЕНЪ.)

Солнце справа пятномъ багровѣло,
Застывала въ безстрастіи даль.
Съ визгомъ, грохотомъ, близко и смѣло
Разрывалась крылатая сталь.
Труденъ путь на побѣду и волю,
Но порывы не знаютъ преградъ,
И неслышно несутся по полю
Вздохи смерти склоненныхъ солдатъ.
Льтся сталь неудержная, злая;
Полумѣсяцъ огня не пробьешь;
Шмель стальной мнѣ поетъ, пролетая:
„Подожди-же, и ты не уйдешь.“
Больше, шире кровавая груда,
Нѣтъ пути ни впередъ, ни назадъ.
Каски, каски... какъ щупальцы спрута,
Замыкаютъ послѣдній захватъ.
Гдѣ-же наши? Они уходили.
Вотъ у нихъ заблестѣли огни.
Жерла вспыхнули, взвизгнули, взвыли
И на насъ зарычали они.
Надъ кольцомъ, что вокругъ запаялось,
Стыли дымы, да лязгала сталь;
Вся въ крови мнѣ заря улыбалась,
Да хмурѣла багровая даль.
Стихло... Кровь надъ черной землею дымилась,
Громы бури промчалися прочь,
И въ коронѣ изъ звѣздъ наклонилась
Мнѣ сестра милосердія — ночь.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга „Памяти Германскаго плѣна“ написана мной, плѣннымъ русскимъ офицеромъ) и рекомендуется главнымъ образомъ тѣмъ, кто или не знаетъ ничего о германскомъ плѣнѣ, или не придалъ значенія разсказамъ о немъ и просто прошелъ мимо.

Прежде чѣмъ начать писать мои впечатлѣнія я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о себѣ, какъ авторѣ. Кто-такое авторъ? коммунистъ? соціалистъ? монархистъ? германофилъ? германофобъ?.. Авторъ—просто офицеръ, который никогда прежде не занимался политикой, не былъ ни германофиломъ, ни германофобомъ т. к. о нѣмецкомъ народѣ не имѣлъ никакого понятія. Какъ большинство русскихъ, онъ представлялъ себѣ нѣмца, не зная самъ почему, добродушнымъ „Карломъ Ифановичемъ“ съ неизмѣнною трубкой во рту и квартой пива передъ нимъ на столикѣ.

Конечно и этотъ Карлъ Ифановичъ можетъ зазнаться и идти туда, куда его не просятъ, но вѣдь всегда можно указать ему его настоящее мѣсто, гдѣ стоитъ его кварта пива и дымится длинная трубка... Развѣ это врагъ?! Можно-ли его бояться? Можно-ли его ненавидѣть?

Война! Что такое война?.. Шахматная игра въ полѣ, въ которой люди и цѣлыя войсковыя единицы стеченіемъ обстоятельствъ ставятся въ положеніе соперниковъ. Исполняя приказъ ведущаго эту игру, можно стремиться побѣдить соперника, сломить его упорство, но ненавидѣть его и презирать... смѣшно... некультурно...

Вотъ съ какими взглядами шелъ въ бой авторъ этихъ записокъ.

Не долго суждено было мнѣ драться на германской землѣ, на пути къ Алленштейну былъ раненъ въ одномъ изъ памятныхъ боевъ и взятъ въ плѣнъ. Какъ я дрался и какъ провелъ свои послѣднія минуты свободы — это къ запискамъ моимъ не относится, да и объ этомъ я не люблю говорить — пусть лучше разскажутъ солдаты, они были со мной.

Отъ этого послѣдняго момента свободы начинается 4-хъ лѣтняя жизнь военно-плѣннаго въ Германіи.

Обстоятельства, благодаря которымъ я часто мѣнялъ лагеря плѣнныхъ (изъ нихъ большинство было карательныхъ) познако-

мили меня довольно детально съ жизнью плѣнныхъ, съ отношеніемъ нѣмцевъ, съ ихъ характеромъ, культурой и человѣчностью. И вотъ, пріобрѣтя это знакомство, я считаю своимъ долгомъ подѣлиться со всѣми о томъ времени, когда, изнемогая подъ тяжелымъ гнетомъ, безоружные, придавленные плѣнные, не различая народность, тянули другъ другу руку помощи, поддерживали другъ друга и умирали вмѣстѣ.

Хочу сказать русскому народу и его бывшимъ союзникамъ сербамъ, бельгійцамъ, чешскимъ легіонерамъ, полякамъ, французамъ, англичанамъ, американцамъ и другимъ, что тамъ, въ Германіи, спятъ сотни тысячъ ихъ бѣдныхъ сыновъ, нечеловѣчески замученныхъ систематическимъ голодомъ, непосильными работами и жестокими побоями.

Конечно, самое теплое сочувствіе не проникнетъ сквозь толщу земли ихъ убогихъ могилъ, не пробудитъ тѣхъ, кто схороненъ въ нихъ, чтобъ сказать имъ: „братья! война выиграна! страна вашихъ убійцъ платитъ правосудію и родина ваша о васъ никогда не забудетъ.“

Они выпили свою чашу до дна—и ничто не нарушитъ ихъ великій покой. Но пусть надъ могилами плѣнныхъ, гдѣ рука ихъ убійцъ успѣла сорвать деревянные кресты, выйдетъ въ ясномъ сіяніи вѣчная память, какъ гигантскій надгробный памятникъ, поставленный союзными народами, памятникъ, которому нѣтъ предѣловъ и времени.

Мои воспоминанія плѣна не хотятъ вызвать слезъ или злобы къ народу, который безцѣльно взялъ у насъ около $1/2$ милліона безоружныхъ братьевъ—я хочу вызвать только справедливую оцѣнку тѣхъ, кого нѣкоторые изъ недостатка гордости ставятъ на пьедесталъ и готовы имъ снова служить; хочу сказать: „посмотрите же глубже на нихъ и увидите, кто съ кого долженъ брать примѣръ и кто кому долженъ служить.

КАПИТАНЪ МОТОРНЫЙ.

(Лиссакенъ).

Я не былъ близкимъ другомъ капитана Моторнаго, но частыя встрѣчи съ нимъ, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, создали между нами особенно тѣсныя товарищескія отношенія въ полку.

Послѣдняя моя встрѣча съ нимъ была на нѣмецкомъ перевязочномъ пунктѣ, около Лиссакена. Меня принесли туда, когда уже было темно и положили на землю рядомъ съ человѣкомъ, покрытымъ русской шинелью. Вокругъ были раненные русскіе, ожидающіе отправки въ полевой лазаретъ. Кое-гдѣ слышался стонъ, какой то полякъ очевидно въ смертельной агоніи кричалъ по польски молитвы... Помню, меня начинало лихорадить и, дрожа отъ холода, я старался какъ можно ближе прижаться къ землѣ... Хотѣлось пить, но некого было попросить, хотѣлось курить, но въ портсигарѣ была одна пустая гильза, да крошки табаку... Время тянулось долго... неопредѣленно... я закрылъ глаза. Почему-то на память пришелъ мнѣ разсказъ „индѣйскій плѣнникъ", разсказъ изъ хрестоматіи, который въ дѣтствѣ я читалъ по складамъ моей матушкѣ и, открывъ съ удивленіемъ и любопытствомъ глаза, задавалъ ей дѣтскіе вопросы, такъ волновавшіе меня въ то время...

Лихорадка трясла меня все сильнѣй и сильнѣй... я вглядывался въ темноту ночи, ища въ ней разрѣшеніе моего вопроса... Вдругъ человѣкъ, лежащій около меня, громко застоналъ, потомъ отвернулъ шинель и поднялъ голову...

Моторный!!...

Помню, какъ прерывающимся голосомъ говорилъ онъ мнѣ: „раненъ былъ въ руку.. пустяки... а потомъ вотъ осколокъ шрапнели... въ поясницу... перевязалъ солдатъ рубашкой... да вѣроятно рана слишкомъ глубокая... все пропиталось кровью... вотъ пошевельнулся... ахъ... опять потекло"...

Наступило молчаніе, было слышно, какъ онъ тяжело дышалъ. Потомъ попросилъ папиросу... Я насыпалъ табачныя крошки въ гильзу и далъ ему... „Уже не хочу... капризничать началъ, извини..." Черезъ нѣкоторое время онъ заговорилъ громко:

„Зачѣмъ подобрали насъ!.. чтобы бросить здѣсь безъ помощи!.. мнѣ такъ нужна перевязка... скажи „имъ" если можишь"...

Ночью привезли насъ на лазаретной линейкѣ въ полевой госпиталь. Докторъ осматривалъ раны... Я увидѣлъ Моторнаго... онъ лежалъ на полу. „Слушай, скажи ему, что я весь въ крови, пусть меня перевяжутъ"...

Я по нѣмецкн не говорилъ, зналъ нѣсколько словъ, которые ставилъ въ грамматическомъ порядкѣ своего собственнаго изобрѣтенія... недостающія слова пополнялъ словами русскими, французскими, польскими. То, что я говорилъ, я самъ съ трудомъ понималъ, а слушающій меня, обыкновенно вытарищивъ въ ужасѣ глаза, имѣлъ видъ человѣка, рѣшающаго въ умѣ сложную алгебраическую задачу съ тремя неизвѣстными.

Но бѣдняга Моторный не говорилъ ни слова по нѣмецки и къ моему искусству говорить относился съ большимъ довѣріемъ.

И, не смотря на мой убогій нѣмецкій языкъ, я не обманулъ это довѣріе и если результатъ моихъ переговоровъ былъ отрицательный — я не могу взять вину на себя.

„Тамъ, товарищъ раненъ... много крови, помогите ему"... Докторъ подошелъ къ нему...

Потомъ насъ размѣстили на соломѣ въ хлѣву. Здѣсь были всѣ вмѣстѣ: офицеры, солдаты, русскіе, нѣмцы; если такъ можно выразиться, это былъ домъ скорби и стоновъ... Въ одномъ изъ тѣхъ стоновъ узналъ я стонъ капитана Моторнаго. „Ну что, Моторный, перевязали?" „Нѣтъ... Хотятъ, чтобы околѣлъ; слушай, спроси ихъ, зачѣмъ взяли меня съ поля; тамъ мнѣ было бы лучше умереть на позиціи... я истекаю кровью"... Вѣроятно его варшавская жизнь мелькнула въ памяти... „Еще молодъ, не хочу умирать", говорилъ онъ. Я позвалъ санитара и просилъ его перевязать Моторнаго...

Санитаръ махнулъ рукой въ знакъ того, что это не его дѣло и пошелъ дальше. „Позовите доктора" кричалъ я ему. „Докторъ не велѣлъ перевязывать, значитъ не надо — только трата перевязочнаго матеріала!"

Странная вещь—Моторный, который ни слова не говорилъ по нѣмецки, инстинктомъ угадалъ отвѣтъ.

„Скоты, ты передай имъ, что Россія заплатитъ за кусокъ марли, мнѣ нужна перевязка, я, можетъ-быть, еще остался бы жить, скажи имъ, что въ Россіи не жалѣютъ марли даже на животныхъ"... Голосъ его оборвался... „Слушай, Моторный, хочешь мою рубашку?"... „Нѣтъ... не поможетъ уже"...

Свѣтъ ранняго утра проникъ къ намъ въ сарай... была почти полная тишина, на нѣкоторыхъ мѣстахъ, откуда ночью раздавались стоны, лежали застывшія, окоченѣвшія тѣла. Помню вправо отъ меня лежалъ солдатъ. Тусклый взглядъ его стеклянныхъ глазъ неподвижно уставился въ пространство. Влѣво другой солдатъ держалъ въ согнутой правой рукѣ жестяную кружку съ водой, какъ будто хотѣлъ поднести ее къ губамъ. Смерть остановила его руку на дорогѣ. Носильщики выносили трупы. Бросивъ случайный взглядъ на однѣ изъ носилокъ, я еще разъ и послѣдній увидѣлъ капитана Моторнаго... Когда меня черезъ нѣсколько дней перевозили въ

другой лазаретъ, нѣмецъ санитаръ дернулъ меня за рукавъ и указалъ на длинный рядъ крестовъ надъ могилами у амбара: „Русскіе тамъ... третій справа... вашъ товарищъ Hauptmann...

Повозка двинулась и третій крестъ справа скрылся за сараемъ. Итакъ, Моторный, уже больше не встрѣтимся... Не забуду, какъ истекалъ ты кровью и какъ отказалъ тебѣ въ помощи полевой лазаретъ I-го армейскаго корпуса, и вспомнилась мнѣ сильная, коренастая фигура нашего русскаго полкового врача, согнутая надъ ранеными плѣнными нѣмцами: онъ дѣлалъ перевязки каждому и заботливо спрашивалъ: „Голоденъ?... Сейчасъ васъ накормимъ“... Марли онъ не жалѣлъ...

Въ то время видъ крестовъ на нѣмецкой землѣ надъ умершими товарищами былъ непривыченъ; потомъ я свыкся съ этимъ зрѣлищемъ, видя, какъ тѣхъ, кого пощадило бранное поле, не пощадила суровость человѣческая; тогда я еще не думалъ, какъ густо будетъ нѣмецкая земля усѣяна русскими крестами и щедро полита русскою кровью.

КОЛОННА ПЛѢННЫХЪ!

Въ каскахъ и въ сѣрыхъ шинеляхъ
Воины гордо идутъ.
Ярко сверкая штыками,
Плѣнныхъ колонну ведутъ:—
Хохотъ солдатъ раздается:
Бей ихъ желѣзный прикладъ,
Тамъ незажившія раны,
Видно не сильно горятъ.
Въ городъ втянулась колонна,
Публика сжалась въ кольцо,
Сыпались розы на каски,
Плѣннымъ насмѣшки въ лицо.
Звѣрь пробудился въ народѣ,
Ревъ разливался вдали,
Жалили женщины, дѣти
Тѣхъ, подъ конвоемъ кто шли.
Дѣвушка... съ бѣлою розой...
Что-же нашелъ ея взглядъ
Въ сѣрыхъ изодранныхъ плѣнныхъ,
Въ гордыхъ осанкахъ солдатъ?!
Братъ, или кто-нибудь ближе,
Шелъ, кто такъ честно впередъ...
Можетъ въ Сибири далекой
Также съ конвоемъ идетъ...
Можетъ въ лицо дорогое,
Что не умѣетъ сказать,
Смѣютъ такъ грубо смѣяться
Смѣютъ безстыдно.. плевать...
Только за то, что онъ дрался
Въ честномъ бою грудь о грудь,
Что умереть не пришлося
И не пришлось отдохнуть
Рыцари! что провожаютъ
Здѣсь безоружныхъ бойцовъ.
Дрались-ли сами вы въ полѣ
Храбро-ль встрѣчали враговъ?!
И на изодранныхъ плѣнныхъ
Смотритъ тоскующій взглядъ...
Бѣлая роза... упала,
Но, не на каски солдатъ...

Это стихотвореніе было вызвано воспоминаніями о моемъ прибытіи въ крѣпость Кюстринъ и однимъ мимолетнымъ, неразгаданнымъ инцидентомъ.

6

Транспортъ раненыхъ медленно ѣхалъ въ Кюстринъ въ санитарномъ поѣздѣ. Увозили русскихъ раненыхъ плѣнныхъ въ глубь страны. Насъ было много и о насъ совершенно не заботились; не только не кормили, но не хотѣли дать воды для питья, хотя нашъ поѣздъ подолгу стоялъ на станціяхъ, гдѣ не было недостатка въ водѣ. Наконецъ показался Кюстринъ.

Кюстринъ — это старая нѣмецкая крѣпость, названіе которой связано съ названіемъ моего полка.

Но какая иронія... каждый вышедшій въ полкъ офицеръ получалъ золотой гербъ полка съ надписью одной изъ его побѣдъ. Я получилъ гербъ № 21, на немъ было написано „Кюстринъ„...

...Поѣздъ остановился, по вагонамъ ходилъ нѣмецкій крѣпостной докторъ и осматривалъ раненыхъ. Вѣроятно онъ замѣтилъ, что у меня жаръ, потому что, обратясь къ санитарамъ, сказалъ имъ, чтобы меня однимъ изъ первыхъ отнесли въ операціонную комнату. Меня сейчасъ-же вынесли изъ вагона и, положивъ на носилки, приготовились отнести въ большой фургонъ, предназначенный для транспорта. Публика обступила меня и разглядывала съ любопытствомъ и нескрываемымъ злорадствомъ.

Противнѣе всего казалось тогда мнѣ это нѣмецкое желаніе поживиться чѣмъ- нибудь. Помню, какъ одинъ жирный нѣмецъ протянулъ свою руку за моимъ бѣлымъ крестикомъ, прося дать ему на память; я, конечно, не счелъ нужнымъ ему отвѣчать; другой нѣмецъ въ цилиндрѣ попросилъ у меня кокарду — не отвѣтилъ и этому. Выносили изъ вагоновъ другихъ раненыхъ, и жадная стая „культурныхъ людей“ бросилась къ нимъ, вымогая вещи, грозя, оскорбляя.

Меня положили на повозку. Не ласковыя слова носились въ воздухѣ: „проклятые русскіе“... и т. п.; другимъ было хуже: нѣмецкіе джентельменки и джентельмены позволяли себѣ плевать на раненыхъ, лежащихъ на носилкахъ или помогающихъ другъ другу идти... Вдругъ мелькнула надо мной маленькая женская рука и что-то легкое, завернутое въ бѣлую бумагу, похожее на цвѣтокъ, легло мнѣ на грудь.

Но не осталось тамъ; нѣмецкій солдатъ въ моментъ схватилъ этотъ неизвѣстный предметъ, тогда какъ другой замахнулся прикладомъ на мою невидимку—фею... Есть моменты, когда въ человѣкѣ, все, что есть рыцарскаго, все, что вложено въ его душу традиціями и воспитаніемъ, протестуетъ противъ насилія надъ слабымъ и хочетъ встать на его защиту, какой бы цѣной она ни была куплена. Кровь горячей волной мнѣ хлынула въ лицо и, дѣлая безумное усиліе, я попытался соскочить съ носилокъ, но тѣло не повиновалось волѣ, нога повисла надъ фургономъ... Крикъ боли смѣшался съ проклятіемъ по адресу часовыхъ, и опять я упалъ на носилки. Когда я очнулся, я ничего не видалъ, ни невидимку-фею, ни ея бѣлый даръ, только слышались крики и ругань часовыхъ... Кто была эта невидимка, что положила она мнѣ на грудь, почему именно мнѣ, была ли эта невидимка реальная женщина или

результатъ лихорадочнаго бреда??? Вотъ вопросы, которые часто приходятъ мнѣ въ голову и уходятъ, не получивъ отвѣта. Чужая? знакомая?.. все равно, если не былъ это сонъ, я считаю своимъ долгомъ послать привѣтъ моей невидимкѣ, сердечное спасибо за рискованное проявленіе симпатіи и искреннее сожалѣніе, что не могъ встать тогда съ носилокъ и защитить ее.

ГОСПИТАЛЬ.

(КЮСТРИНЪ.)

Кончился жаръ.. и въ измученномъ тѣлѣ
Слабость неслышно и властно легла,
Мысли больныя текутъ еле-еле,
Давитъ ихъ клочьями сѣрая мгла.
Дни вереницей ненужной, безличной
Льются безцѣльно волной за волной,
Бѣлая скука отъ жизни больничной,
Въ сердцѣ усталомъ угасшій покой.
Тамъ, за окномъ, межъ деревъ пожелтѣвшихъ
Въ желтой агоніи блекнетъ трава...
Пѣсня безъ словъ о цвѣтахъ отлетѣвшихъ,
Неба клочекъ... въ немъ плыветъ синева.
Въ сердцѣ и пусто и полно и много...
Занавѣсъ вечера робко упалъ,
День умираетъ, забилась тревога,
Вѣтеръ по листьямъ сухимъ задрожалъ.
Вѣтеръ мой, милый, товарищъ мой школьный,
Мчись ураганомъ въ родную страну
И передай, что теперь я невольный
И что пережилъ здѣсь я въ плѣну.
Ближе и ближе склоняйся къ подушкѣ
Такъ, чтобъ не слышали просьбу мою,
Быстро лети къ посѣдѣвшей старушкѣ
И передай что здоровъ я... встаю;
Да разскажи, что какъ могъ я, сражался,
Что не забылъ передъ родиной долгъ,
Раненъ слегка былъ и въ подѣ остался,
Да отходя, позабылъ о насъ полкъ.
Мать! ты узнаешь ее, пролетая.
Если и спитъ она, грезитъ во снѣ:
Что мнѣ и гдѣ я... старушка... сѣдая,
Крѣпко обнявъ ее, мчися ко мнѣ.
Впрочемъ, не надо... съ лучемъ золотистымъ
Смѣлымъ порывомъ всей мощи своей
Мчись, какъ умѣешь нарядным, душистымъ

Въ теремъ высокій Свѣтланы моей.
Нѣжно прильни къ ея легкой одеждѣ
И передай, что въ тяжелой судьбѣ,
Гордъ я остался, какъ былъ имъ и прежде
И ничего не просилъ о себѣ.
Вышло несчастье, утесъ нашъ разбился,
Мечъ поломался... Неравный былъ бой,
Бѣгать назадъ не привыкъ, не учился...
Да и не могъ... вотъ и все дорогой.
Сразу по нотамъ тѣмъ голоса звонкимъ,
Ты отличишь и узнаешь ее
Съ гордою таліей, съ профилемъ тонкимъ,
Съ нѣжнымъ лицомъ, какъ дыханье твое.
Да передай, что порою скучая...
Впрочемъ не надо, скорѣе же въ путь.
Теплую ласку изъ милаго края
Ты положи мнѣ на сердцѣ, на грудь.

ИЗЪ ДАНЦИГА.

Много солдатъ разсказывало мнѣ о своей жизни въ лагеряхъ —всюду одни-и тѣ-же страданія отъ голода, воровства и нечеловѣческой грубости.

Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ я уже забылъ, другіе остались въ памяти, а вотъ этотъ разсказъ одного изъ военно-плѣнныхъ изъ Данцига еще до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ. Я закрываю глаза и передо мной встаетъ жалкая, заморенная фигурка русскаго мужичка, сѣрая изорванная шинель виситъ на его костлявыхъ плечахъ, въ лицѣ не видно ни кровинки; въ сѣрыхъ глазахъ отупѣніе и безразличіе, по временамъ, мнѣ кажется, что эти глаза хотятъ горько улыбнуться, а голосъ его звучитъ: „Жили мы на баркахъ—на соломѣ, а солома то была въ водѣ, голодали-то какъ! страсть!

Кто послабѣй былъ здоровьемъ, тотъ значитъ умеръ.

Такая жизнь тамъ была, что живые начинали завидовать мертвымъ; каждый день кто-нибудь бросался въ воду, чтобы покончить съ жизнью.

Били одно время страшно, за все, скажетъ нѣмецъ слово и прикладомъ, значитъ сейчасъ-же ударитъ—вѣдь мы то всѣ безоружные, нечѣмъ защититься, пробовали кулаками защититься, но тѣ уже болѣе вѣроятно не живутъ. Вотъ, помню шелъ однажды плѣнный солдатикъ, худой, голодный, въ чемъ душа держится, шелъ онъ мимо нѣмецкаго часового: тотъ его ни за что, ни про что и ударилъ прикладомъ въ голову, видимо не разсчиталъ, ударилъ

сильнѣе, чѣмъ надо было. А солдатикъ, какъ упалъ на земь въ своей сѣрой шинели, такъ и лежитъ, не шевелится.

Послали за докторомъ. Пришелъ комендантъ самъ и русскій докторъ. Осматривали... „Здѣсь докторъ уже не нуженъ, нуженъ священникъ для убитаго и тюрьма для убійцы," сказалъ докторъ. Комендантъ развернулся и ударилъ доктора по лицу, выхватилъ револьверъ... значитъ, чтобы докторъ не могъ защититься—вѣдь онъ, какъ и мы безоружный. Мы хотѣли вступиться за доктора, кричать начали на коменданта; да онъ вызвалъ солдатъ, насъ штыками загнали въ помѣщенія. Что можно сдѣлать, какъ протестовать?..."

„Ну, а докторъ что?" спросилъ я. „Докторъ, не знаю—тотъ, кажется, протестовалъ, но его скоро куда-то увезли..."

„Ну, а тотъ, кто убилъ нашего солдата, былъ потомъ наказанъ?" спросилъ я.

„Что вы! ему ничего не было, потомъ намъ онъ еще грозилъ, что если не будемъ его слушаться, такъ съ каждымъ такъ сдѣлаетъ, начальство ихъ значитъ позволяетъ... это у нихъ видно такъ принято..."

ВЕСНОЮ.

(Гютерслоо.)

Эта ласка лучей, этотъ бѣлый отсвѣтъ,
Воздухъ нѣгою дышетъ знакомою,
Долетаетъ весенній душистый привѣтъ,
Обнимаетъ безумной истомою,
Плѣна сѣрые дни стали будто свѣтлѣй,
Грусть неволи, слѣпая и вѣщая,
И холодное сердце забилось сильнѣй,
Прозвучала въ немъ нота просящая.
Пусть ослаблена сила, пусть гордость молчитъ,
Этой долгой неволей увѣнчаны.
Голубыми глазами весна говоритъ
О цвѣтахъ, о плѣнительной женщинѣ.
Кто-же смѣлъ отдѣлить это лучшее все
И свободу отнять неразлучную...
Для чего-же мнѣ жизнь пощадила ее,
Задушивъ мою пѣсню беззвучную?
Я защитникъ, не рабъ, для кого жъ часовой,
Для кого эта клѣтка желѣзная?
Почему безъ конца высоко надо мной
Синева унеслася небесная?
Только вѣтеръ одинъ, царь свободы и мѣстъ
Онъ осудитъ жестокость смертельную,
Отнесетъ небесамъ мой глубокій протестъ,
Отнесетъ мою грусть безпредѣльную.

8

ПОДКОПЫ.

Подкопы и побѣги изъ лагерей являлись однимъ изъ самыхъ видныхъ фактовъ жизни военноплѣннаго.

Почти въ каждомъ лагерѣ дѣлался „секретно“ подкопъ. Я ставлю въ кавычки слово „секретно“ потому, что секретнымъ онъ казался тѣмъ, кто его дѣлалъ, но зналъ о немъ обыкновенно весь лагерь. Не трудно было замѣтить между унылыми фигурами плѣнныхъ, лѣниво блуждающими по лагерю, небольшую группу людей, слегка взволнованныхъ, которые моментально прекращаютъ разговоръ при чьемъ бы-то ни было приближеніи. Если наблюдатель посмотритъ на нихъ, спустя нѣсколько дней, онъ замѣтитъ нѣкоторую блѣдность и утомленіе на ихъ лицахъ и какую-то наивную таинственность въ глазахъ. Въ такихъ случаяхъ можно было безошибочно констатировать подкопъ. Каждый, кто любитъ наблюдать и кто посѣтилъ нѣсколько лагерей военно-плѣнныхъ, могъ съ увѣренностью разсчитывать, что въ скоромъ времени будетъ въ этомъ лагерѣ тревога, обыскъ, и что тѣ, кто такъ боялись говорить между собой въ обществѣ другихъ, будутъ арестованы, ихъ посадятъ въ отвратительныя темныя помѣщенія, потомъ будутъ судить, а потомъ пошлютъ куда-нибудь въ тюрьму. Такова была программа почти каждаго подкопа. Я видѣлъ разные сорта подкоповъ: одни были довольно комфортабельно разсчитаны, работами руководилъ инженеръ, средства къ ихъ проведенію были довольно обширны (подкопъ англичанъ въ лагерѣ Гютерслоо), другіе были скорѣй дѣтскимъ увлеченіемъ (русско-англійскій подкопъ въ лагерѣ Гютерслоо), гдѣ въ неумѣлой и тяжелой работѣ нѣсколько человѣкъ попортило себѣ здоровье и было поймано въ день его окончанія. Наконецъ были подкопы, которые дѣлали въ ужасныхъ условіяхъ. Работа въ нихъ граничила съ самоубійствомъ и только безграничное отчаяніе могло толкнуть людей туда. (Подкопъ въ репрессивномъ лагерѣ Штроеръ-Мооръ, поставленномъ на болотѣ). Люди, проникши на аршинъ въ глубь земли, лежали въ липкой, вонючей, болотной водѣ.

Былъ ноябрь мѣсяцъ, шелъ снѣгъ и вода иногда замерзала на поверхности, замерзало и платье на тѣхъ, кто работалъ. Прибавлю къ этому, что работающіе офицеры часто, не получая посылокъ изъ дому, довольствовались той пищей, которую давала нѣмецкая комендатура, и были значительно ослаблены.

Вспоминая о подкопахъ, я долженъ разсказать объ одномъ изъ нихъ въ лагерѣ Гютерслоо. Его работа не отличалась ничѣмъ отъ работъ въ иныхъ подкопахъ; эти работы проводились „секретно“ и конечно большинство лагеря о нихъ знало, узнали какъ всегда и нѣмцы. Подкопъ былъ оконченъ, и прапорщикъ Х. (фамилію его я забылъ, но генералъ Мальмъ, который былъ старшимъ въ нашемъ лагерѣ, вѣроятно, помнитъ ее) продвигался въ немъ ползкомъ къ внѣшней сторонѣ лагеря. Вооруженные нѣмецкіе солдаты были поставлены у внѣшняго и внутренняго выхода

подкопа. Бѣглецъ, наткнувшись на солдатъ у внѣшняго выхода, метнулся назадъ. Подползя къ отверстію, онъ услышалъ крики солдатъ и приказаніе „выходить“. Весь покрытый землей, безоружный онъ высунулъ голову, желая выйти.

Удары широкихъ нѣмецкихъ байонетовъ посыпались ему на голову и плечи. Нѣмецкій комендантъ, полковникъ фонъ-Гребенъ, одобрилъ этотъ бой съ безоружнымъ. Тяжело израненнаго, покрытаго кровью, отнесли прапорщика подъ арестъ, но слухъ объ этомъ злодѣяніи быстро облетѣлъ весь лагерь. Офицеры, солдаты, русскіе, французы, англичане стали громко выражать свои протесты, толпа плѣнныхъ обступила комендантуру. Вышелъ старшій—генералъ Мальмъ. Плѣнные требовали объясненій, какъ будетъ старшій реагировать на этотъ инцидентъ. Выразивъ остро порицаніе звѣрству нѣмцевъ, плѣнные сошлись наконецъ во мнѣніяхъ и согласились со слѣдующимъ рѣшеніемъ: надъ раненымъ будетъ составленъ протоколъ, русскій докторъ констатируетъ состояніе офицера, число ранъ, положеніе его, въ которомъ онъ получилъ эти раны; копія этого протокола будетъ немедленно послана испанскому посланнику, а самъ протоколъ будетъ храниться у старшаго въ лагерѣ до пріѣзда въ Россію.

„Побѣдимъ—тогда разсчитаемся за все, тогда въ руки правосудія попадутъ всѣ преступники,“—такъ думали плѣнные.

ПОБѢГИ.

Въ большинствѣ случаевъ побѣги носили случайный характеръ и потому удавались чаще, чѣмъ подкопы, но процентъ вполнѣ удавшихся побѣговъ очень незначительный. Дѣлали попытки бѣжать всѣ плѣнные, но ничьи попытки не сопровождались такимъ безумнымъ рискомъ, никто такъ не рвался на свободу, какъ русскіе. „Тоскуютъ по своимъ степямъ,“ говорили о насъ англичане.

Помню, какъ разъ вечеромъ я ходилъ вокругъ лагеря съ однимъ изъ товарищей, когда вдругъ увидѣлъ, какъ какой-то черный комъ промелькнулъ у ногъ по направленію къ первой линіи проволочныхъ загражденій... Затѣмъ хрустнула и зазвенѣла разрѣзанная проволока, а черный комъ откатился назадъ.

Я шелъ дальше не оборачиваясь, чтобы не приковывать вниманія другихъ плѣнныхъ и стражи.

Невдалекѣ группа французскихъ офицеровъ громкимъ шумомъ и апплодисментами сопровождали гимнастическія упражненія своего капитана, который пробовалъ ходить на рукахъ. Духъ товарищества былъ очень хорошъ у французовъ, пока не примѣшалась политика, и вотъ, видя, что одинъ изъ плѣнныхъ хочетъ бѣжать, они по собственной иниціативѣ притягивали на себя вниманіе часового тѣмъ, чтобы тамъ тому, кто рѣзалъ проволо-

9

ку, удалось пробраться черезъ двѣ линіи проволочныхъ заградъ. Бѣглеца задержали только на голландской границѣ (это былъ русскій прапорщикъ). Немного времени спустя, два русскихъ офицера перерѣзали электрическій проводъ и, воспользовавшись моментомъ темноты, разрѣзали проволоку и убѣжали, хотя часовой стрѣлялъ имъ въ слѣдъ.

Никогда я не забуду, какъ бѣжалъ одинъ русскій офицеръ свѣтлымъ днемъ, передъ глазами часовыхъ и цѣлаго лагеря. Этотъ офицеръ обыкновенно гулялъ одиноко по лагерю въ своей сѣрой шинели и офицерской фуражкѣ. Въ день побѣга онъ былъ одѣтъ, какъ всегда и, заявивъ спокойно своимъ товарищамъ, что онъ сейчасъ будетъ бѣжать, сталъ ходить по лагерю спокойно и равнодушно, какъ онъ дѣлалъ это всегда.

Потомъ подошелъ къ маленькому проволочному забору, перепрыгнулъ черезъ него и спокойно полѣзъ на высокую заграду, добрался до верху, спрыгнулъ внизъ, подошелъ къ третьей высокой заградѣ, сдѣлалъ то же самое и пошелъ по полю.

Тѣ, кто гуляли, оцѣпенѣли отъ изумленія, французы, какъ болѣе темпераментные, бѣжали дальше, чтобы своими криками восторга не привлечь вниманіе часового. Почему не видѣлъ часовой этотъ побѣгъ?—это вопросъ, на который я не могу отвѣтить. Бѣжавшаго офицера поймали въ нѣсколькихъ километрахъ отъ лагеря полицейскіе и привели обратно въ лагерь.

Онъ не былъ слишкомъ опечаленъ, говорилъ, что выпилъ въ одной деревнѣ цѣлый литръ хорошаго молока" ... Все таки не даромъ рисковалъ.

Болѣе трагическимъ образомъ кончилась попытка побѣга, сдѣланная въ другомъ лагерѣ англійскимъ поручикомъ. Жизнерадостный юноша рѣшилъ взять примѣръ съ русскихъ и попробовать бѣжать безъ особыхъ приготовленій. Ему удалось прорѣзать дыру въ первомъ загражденіи и пролѣзть черезъ нее.

Но когда онъ очутился между двумя рядами проволоки, часовой увидѣлъ его. Англичанинъ бросился назадъ, но, видя, что часовой взялъ ружье на изготовку и цѣлится въ него, поднялъ руки вверхъ, какъ бы свидѣтельствуя этимъ, что онъ не имѣетъ никакого оружія. Часовой выстрѣлилъ въ упоръ и бѣдный юноша, котораго пощадили шрапнели и мины въ бою, свалился мертвымъ.
Часто вспоминаю побѣгъ въ лагерѣ „Штроеръ Мооръ." Былъ почти какъ всегда туманный день. Плѣнные подъ конвоемъ часовыхъ выходили изъ за проволочныхъ загражденій и направлялись въ баню. Въ этотъ день шелъ въ баню 2-ой баракъ. Я съ товарищемъ стоялъ у проволоки и смотрѣлъ на баню ... Вдругъ три темныхъ силуэта выскочили изъ за бани и бросились бѣжать по равнинѣ къ группѣ кустовъ, виднѣющихся издалека. Когда разстояніе между ними и баней было шаговъ 400, выскочилъ изъ за бани нѣмецкій часовой и съ крикомъ бросился за ними, за ними бросились другіе; но три бѣглеца убѣгали все дальше и дальше. Одинъ изъ преслѣдователей остановился и началъ стрѣлять... бѣглецы

приближались къ кустамъ... Весь лагерь замеръ въ ожиданіи, всѣ выскочили изъ бараковъ и слѣдили за этой погоней. „Продерутъ!! ужъ мало осталось!“ раздавались голоса. Часовые бѣжали въ догонку и стрѣляли... мгновеніе и вдругъ бѣглецы повернулись бѣжать вправо, а изъ за кустовъ имъ на встрѣчу выбѣжалъ нѣмецкій патруль...

Они были слишомъ далеко отъ насъ, когда ихъ поймали, т. к. глаза съ трудомъ могли различить ихъ.

Но вотъ глаза начали различать, какъ ихъ бьютъ винтовками... „Да вѣдь это нашъ... поручикъ Анучинъ, тамъ направо“... слышалъ голосъ сосѣда и видѣлъ, какъ этотъ, на кого онъ указывалъ, спотыкается подъ ударами винтовокъ... Крикъ негодованія вырвался изъ лагеря и разнесся надъ болотистой равниной... Это былъ крикъ обиды униженія, крикъ боли за страданія товарищей, которымъ нельзя помочь, болѣзненный крикъ отчаянья. Вышелъ нѣмецкій офицеръ — плѣнники бросились къ нему съ требованіеъъ остановить издѣвательства, но офицеръ не остановилъ, эти побои остановили сами плѣнные, бросившись на проволоку, — нѣмцы испугались послѣдствій... Комендантъ лагеря Штроеръ-Мооръ, полковникъ германсквй гвардіи, Дицъ, который любилъ говорить о томъ, что въ Россіи онъ видѣлъ много любезностей, полковникъ, который любилъ говорить о джентельмэенствѣ, не пустилъ доктора къ раненымъ товарищамъ, одобрилъ поведеніе своихъ часовыхъ и вмѣсто того, чтобы помѣстить раненыхъ въ лазаретъ, велѣлъ запереть ихъ въ темныя камеры и лишить освѣщенія. Тогда я удивился этому, только потомъ понялъ, что идея джентельмэнства одинаково непонятна въ этой странѣ, какъ полковнику нѣмецкой гвардіи, такъ и тюремщику, только послѣдній о ней не будетъ говорить.

ВОРОВСТВО.

Въ каждомъ народѣ есть воры и честные люди, но всегда какъ-то меньше удивляешься, когда видишь неграмотнаго, полу-голоднаго оборванца, котораго ведутъ за воровство въ полицію.

Гораздо сильнѣе удивленіе при видѣ вора въ германскомъ офицерскомъ мундирѣ, котораго не ведутъ въ полицію, а наоборотъ, нѣкоторые поклонники культуры средне-европейской ставятъ примѣромъ офицерамъ другихъ армій.

Крали въ плѣну за малымъ исключеніемъ почти всѣ нѣмцы, крали то, что можно было украсть. Крали убогія солдатскія посылки, въ которыхъ бѣдная русская деревня посылала черные сухари да кусокъ сала, крали одежду плѣнныхъ офицеровъ, часы, деньги. Крали солдаты, унтеръ-офицеры, офицеры, завѣдующіе кантиной, имѣющіе надъ ней дозоръ и т. д. Когда меня выпуска-

ли изъ госпиталя „Кюстринъ“ , меня обокрали такъ, что везли оттуда завернутаго въ одѣяло.

Когда воровство было уже слишкомъ вопiющее, тогда его озаконивали и называли конфискацiей, военнымъ налогомъ или приказанiемъ военнаго министертсва (насильное огобранiе денегъ по неслыханной таксѣ за вещи, находящiяся въ комнатѣ).

Но кромѣ шаблоннаго, грубаго воровства были пикантныя исторiи воровства утонченнаго: напримѣръ, исторiя съ золотыми часами.

Въ санитарномъ поѣздѣ везли раненыхъ, въ одномъ изъ купэ лежалъ раненый русскiй офицеръ. Видно было, что онъ попалъ въ плѣнъ въ послѣднихъ бояхъ, ибо какимъ то чудомъ на немъ уцѣлѣли пуговицы, погоны и даже блестѣла золотая цѣпочка отъ часовъ. На одной изъ станцiй вошелъ нѣмецкiй офицеръ. Окинувъ быстрымъ взглядомъ купэ и раненаго, нѣмецъ протянулъ руку къ золотымъ часамъ. „Какъ дорого хотите взять за ваши часы?“ „Я часовъ не продаю.“ „Да, но мнѣ нужны часы,“ настаивалъ нѣмецъ. „Обратитесь къ часовыхъ дѣлъ мастеру—я офицеръ и ничего не продаю.“ „Не продадите?“ спросилъ угрожающе нѣмецъ. „Нѣтъ.“ Нѣмецъ позвалъ часового. Черезъ мгновенiе, стуча винтовкой и каблуками влетѣлъ въ купэ солдатъ. „Снять часы съ этого офицера—плѣнные не должны имѣть золота, отъ нашихъ плѣнныхъ также отбираютъ,“ звучалъ голосъ нѣмецкаго офицера. Часы были взяты „конфискованы“ и утонули въ рукѣ нѣмца; часовой, исполнивъ приказанiе, вышелъ изъ купэ. „Ну что? видите?“ Русскiй офицеръ не отвѣчалъ больше. Часы—дорогая память, подарокъ матери при выходѣ его въ офицеры... ихъ украли... кто? Кто носитъ офмцерскiе эполеты...

Нѣмецъ постоялъ мгновенiе, вынулъ портмонэ и, взявъ оттуда 5 марокъ, положилъ передъ раненнымъ. Нѣмецкiй офицеръ не хотѣлъ быть воромъ—онъ заплатилъ деньги и реабилитировалъ „свою совѣсть.“ 5 кайзерскихъ марокъ что-нибудь да стоятъ!

Фамилiю этого офицера я не помню, но кого она занимаетъ можетъ спросить у бывшихъ плѣнныхъ въ Кюстринѣ и Гютерслоо, они ее навѣрно знаютъ. Въ моемъ присутствiе нѣмецкiй фельдфебель такимъ же способомъ укралъ шинель съ моего раненнаго товарища, но не реабилитировалъ себя 5-ю марками, видно вопросъ „совѣсти“ его не тревожилъ.

Вотъ что однажды разсказалъ мнѣ знакомый прапорщикъ Соколовъ: „Я былъ раненъ осколкомъ шрапнели въ лицо, ослабшiй отъ потери крови лежалъ плѣннымъ въ темномъ сараѣ на соломѣ. Никто не приходилъ, ни докторъ, ни санитаръ... Вдругъ открылась дверь и на порогѣ сарая показался фельдфебель съ электрической лампочкой. Вскорѣ онъ подошелъ ко мнѣ и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы. „Изъ Москвы?“ спросилъ по-нѣмецки, указывая на мои сапоги. „Да,“ отвѣтилъ я. Въ тотъ-же моментъ онъ наклонился ко мнѣ и сталъ стягивать съ меня сапоги. Я протестовалъ, какъ умѣлъ, но, увы, онъ былъ сильнѣе. Вдругъ опять

открылись двери сарая, и я увидѣлъ передъ собой нѣмецкаго офицера. фельдфебель тотчасъ-же исчезъ. Я, зналъ нѣсколько нѣмецкихъ словъ, попробовалъ жаловаться этому офицеру на то, что меня раненнаго хотѣлъ обокрасть фельдфебель. Офицеръ выслушалъ меня, осмотрѣлъ сапоги и сталъ... снимать ихъ самъ... Я уже больше не протестовалъ и не жаловался... Кому-бы я долженъ былъ жаловаться..."

Кражъ офицерскихъ сапогъ было великое множество, но не въ этомъ была трагедія, что русскій офицеръ останется безъ сапогъ, гораздо грустнѣе было то, когда пропадали деревянные ящички съ черными сухарями и кускомъ сала, что посылала нашимъ землякамъ vбогая, русская деревня.

ЦОРНДОРФЪ.

Фортъ.. За валами чужихъ укрѣпленій
Мрачная камера, темная дверь.
Память невзгоды, позоръ униженій,
Горечь утраты и ужасъ потерь.
Въ окна бьеть дождь свою дробь торопливо,
Мглою осеннею фортъ нашъ объятъ,
Горькою тѣнью забвенья тоскливо,
Мрачно сковалъ насъ сырой казематъ.
Хочешь забыться... Картины-же боя
Въ пляскѣ безумной проносятся прочь,
Бѣдное седце лишивши покоя,
Въ окна стучится холодная ночь.
Можетъ-быть вѣтеръ мнѣ пѣсней докучной
Въ душу закинулъ сомнѣній метель;
Злой-ли волшебникъ, со сказкой беззвучной,
Тихо склонился ко мнѣ на постель...
Слышется голосъ далекій, любимый,
Вижу тоскою измученный взоръ.
Вечеръ, тотъ вечеръ послѣдній, унылый
Маршъ... и граница Мазурскихъ озеръ.
Сломана жизнь и разбиты желанья,
Стоптаны дерзко, измяты цвѣты,
Цѣпи неволи, тоска прозябанья...
Умерли въ сердцѣ, увяли цвѣты.

АНГЛИЧАНЕ И ФРАНЦУЗЫ.

Поселивъ плѣнныхъ въ смѣшанныхъ лагеряхъ для офицеровъ русской, англійской и французской армій, нѣмецкое военное министерство заботилось главнымъ образомъ о томъ, чтобы, играя на слабыхъ стрункахъ человѣческихъ и интригуя, разсорить союзниковъ и озлобить другъ на друга. Къ сожалѣнію, нѣкоторые поддались этой мѣрѣ и, поставивъ спортивные или личные интересы надъ всѣми другими, помогали нѣмцамъ и ихъ агентамъ русскимъ, англійскимъ и французскимъ нѣмцамъ работать въ этомъ направленіи.

Но несмотря на это явленіе и на послѣдствіе Брестъ-Литовскаго мира, большое количество плѣнныхъ сохранило прежнія отношенія къ союзникамъ.

Каждый безпристрастный англичанинъ или французъ могъ отлично понять, что люди заключившіе Брестъ-Литовскій миръ прежде всего измѣнили не имъ, а русскимъ, не Франціи и Англіи, а Россіи. Кромѣ того надо было прослѣдить участіе или вину союзниковъ въ началѣ русской революціи, которая въ концѣ концовъ ослабила и развалила государство въ моментъ борьбы и низвела его армію на степень разбойничьихъ бандъ.

Развѣ русскіе этого хотѣли? Развѣ имъ не чувствительнѣе это чѣмъ французамъ и англичанамъ?!

Многіе это понимали и сохраняли прежнюю дружбу съ русскими. Съ другой стороны, ослѣпленные несчастіемъ русскіе, желали сбросить всю вину на англичанъ и французовъ, въ отчаяніи повторяя лживыя и часто безсмысленныя фразы, нашептанныя нѣмцами. „Вы спасли Францію въ 1914 г., а Франція съ Англіей, боясь вашего могущества, запутали Россію кровавой революціей, чтобы ослабить и уничтожить народъ.“ Были, увы, люди съ недостаточно развитымъ мозгомъ, которые повторяли, обвиняя Францію, истекающую кровью въ томъ, что она хочетъ уничтожить Россію. Такимъ людямъ я оппонировать не буду. Скажу, что нашлись многіе, которые внимательно проглядѣвъ ходъ событій, нашли въ нихъ ошибки свои собственныя и союзниковъ и за этими ошибками увидѣли дьявольскія злодѣянія и кошмарные планы на будущее, ничего не стыдящагося и ничѣмъ не пренебрегающаго нѣмецкаго народа.

Я хочу сказать, что желаніе нѣмцевъ разсорить союзниковъ, поселивъ ихъ вмѣстѣ, не только не удалось, но сдѣлало почти обратное, а именно: познакомило насъ другъ съ другомъ, съ нашими достоинствами и недостатками, научила понимать другъ друга и прощать одинъ другому. (Tout comprendre — tout pardonner.)

Но дорогу къ этому знакомству и сближенію я и хочу нарисовать въ общихъ чертахъ.

Вообразите себѣ для начала комнату, большую или малую, высокую или низкую, свѣтлую или темную, густо населенную представителями трехъ союзныхъ державъ. Вообразите себѣ множество мелочныхъ треній, возникающихъ въ скученномъ общежитіи. Рус-

скій капитанъ ни за что не можетъ отказаться отъ старой привычки, выпивъ вечеромъ чаю, поговорить „по-душамъ“ о войнѣ, нѣмцахъ и т. д., къ нему приходитъ его товарищъ однополчанинъ, и въ дружеской бѣсѣдѣ они уже начинаютъ забывать свое грустное положеніе... Но... около нихъ французскій капитанъ, который не понимаетъ изъ ихъ разговора ни одного слова и, которому этотъ разговоръ, на непонятномъ словянскомъ языкѣ, кажется просто сочетаніемъ непривычныхъ звуковъ, мѣшающихъ, вспомнивъ на сонъ грядущій, Францію и „sa petite femme“, заснуть сномъ праведника въ 9 съ половиной часовъ вечера.

Французъ два-три раза перевертывается на кроватѣ и наконецъ громко выражаетъ свое неудовольствіе. Русскій капитанъ, который слышалъ „нижегородскій французскій языкъ“ только на танцовальныхъ вечерахъ и, слыша это странное, непонятное сочетаніе романскихъ звуковъ, чувствуетъ себя оскорбленнымъ...

У окна стоятъ постели англійскаго поручика и французскаго маіора колоніальныхъ войскъ, обладателя неизбѣжнаго ревматизма. Англичанинъ, видя затворенное окно, спѣшитъ его немедленно открыть. Чувствуя на себѣ струю холоднаго воздуха, французскій майоръ съ бѣщенствомъ бросается къ окну, чтобы его закрыть, посылая проклятія цѣлой Англіи за все что она сдѣлала Франціи, Жаннѣ д'Аркъ и Наполеону I. Почтенный англійскій полковникъ, который принципіально, какъ каждый англичанинъ, знаетъ только одинъ англійскій языкъ, на которомъ онъ говоритъ такимъ образомъ, что иностранцы его почти не могутъ понять. И вотъ этого старого бритта, нѣмецкая комендатура надѣляетъ деньщикомъ Ванькой Кривоухинымъ, рядовымъ 125 резервнго N. полка, который не можетъ не улыбнуться всей своей широкой, добродушной физіономіей, когда слышитъ рѣчь полковника. „Ишь затюлюкалъ, вотъ и разбери что онъ толкуетъ,“ усмѣхался Кривоухинъ, почесывая за ухомъ и дѣлая то, что придетъ ему въ голову. Англійскій полковникъ, ломая свой языкъ учитъ необходимыя русскія фразы и, когда начинаетъ говорить, Кривоухинъ закрываетъ лицо руками, чтобы не прыснуть отъ смѣха.

Не лучше положеніе и русскаго полковника, получившаго въ деньщики англичанина. Если-бы посторонній наблюдатель увидѣлъ ихъ во время разговора, онъ бы вѣроятно подумалъ о томъ, что они сводятъ какіе-нибудь старые счеты или продаютъ другъ другу какія-то вещи, но не могутъ сойтись въ цѣнѣ, тогда какъ разговоръ былъ о томъ, какъ и когда надо чистить сапоги. Большое недоумѣніе вызывалось сначала при видѣ дружбы англичанина и русскаго или француза и русскаго, изъ которыхъ каждый зналъ только свой родной языкъ.

Зная одного русскаго офицера, который говорилъ только по-русски я былъ страшно удивленъ, видя его часто гуляющимъ съ англичаниномъ. Я рѣшилъ, идя около нихъ услышать какъ, на какомъ языкѣ они говорятъ, и вотъ что я услышалъ: „Boir vein après, mein chambre, nous marcher après...“ Эта фраза, произне-

12

сенная русскимъ офицеромъ была для меня непонятнымъ ребусомъ, для разрѣшенія котораго я должзнъ былъ заняться изслѣдованіемъ вопроса. Англичанинъ, судя по его движеніямъ понималъ этотъ ребусъ прекрасно... А ребусъ означалъ слѣдуюшее: два офицера любящіе „выпить" сразу отыскали другъ друга и подружились. Незнаніемъ языка они не смущались. Выбравъ принципіально французскій языкъ за дипломатическій они въ моментъ создали несложную грамматику, которую приняли оффиціально. Грамматика ихъ заключалась въ слѣдуѣщемъ: найдя нужный французскій глаголъ они словомъ „après" опредѣляли его будущее время а словомъ „avant" прошедшее и были вполнѣ удовлетворены. Пили они нѣмецкій шнабсъ и не успѣвъ выпить „avant" уже приготовлялись на „après"...

Подчиняясь какому-то невѣдомому закону, алкоголики всѣхъ странъ дѣлились на группы „кавалеристы", „пѣхота", „гвардія" и такія группы, сойдясь непроизвольно, съ теченіемъ времени были уже постоянными.

Видя въ лагерѣ жизнь сотенъ людей, можно было быстро подмѣтить особенности и привычки каждаго и его смѣшныя стороны.

Смѣшеніе народовъ дало импульсъ къ спорту и соревнованію въ немъ, а спортъ еще болѣе сблизилъ союзниковъ. Я помню статью въ нѣмецкой газетѣ въ Гютерслоо, въ которой нѣмецкій представитель прессы возмущался тѣмъ, что однажды въ лагерѣ Гютерслоо англичане устроили „праздникъ на льду для русскихъ." На катокъ, сдѣланный англичанами были позваны всѣ русскіе конкобѣжцы имъ были предложены коньки, для нихъ варили красное вино и чай, ихъ угощали англійскими кексами и оркестръ собсвенныхъ музыкантовъ игралъ на воздухѣ. Это доказательство дружбы и многіе другіе услуги при заказахъ посылокъ изъ Англіи и иногда изъ Франціи указало нѣмцамъ, что планы ихъ „разсорить" не удались. Желая испортить до конца жизнь плѣнныхъ, отравить имъ спортъ и занятіе языками, нѣмцы сейчасъ-же отослали англичанъ изъ лагеря Гютерслоо.

ПОДПОРУЧИКЪ АРТОБОЛЕВСКІЙ.

Я считаю своимъ долгомъ посвятить нѣсколько строкъ подпоручику Артоболевскому во-первыхъ какъ офицеру моего полка, во-вторыхъ какъ товарищу поэту. Онъ вышелъ въ мой полкъ за годъ передъ войной, былъ молодъ, какъ ребенокъ и нѣженъ какъ дѣвушка. Не узнавъ жизни, онъ былъ брошенъ на фронтъ и въ несчастномъ бою взятъ въ плѣнъ.

Въ тюремной жизни германскихъ лагерей, онъ отводилъ душу своими красивыми, звучными стихами. Хрупкая-ли молодость,

тоска-ли по родинѣ или суровость нѣмецкая, или все это, взятое вмѣстѣ, согнало румянецъ съ его щекъ и, когда товарищи обратили вниманіе, онъ уже таялъ день ото дня словно снѣжная царевна. „Ничего", говорилъ онъ съ грустной улыбкой, „это пройдетъ, скорѣй бы лѣто, буду играть въ тенисъ."

Какъ-то разъ онъ закашлялся и на блѣдныхъ губахъ его появилась алая кровь.

Товарищи пошли въ комендантуру, требуя, чтобъ его немедленно осмотрѣли и отправили въ нейтральную страну. „Онъ уже не опасенъ Германіи, посмотрите, что осталось отъ него," говорили коменданту наши офицеры. Былъ докторскій осмотръ. Надо было чувствовать тотъ цинизмъ, которымъ звучалъ отвѣтъ врача и коменданта. „Да, у него туберкулезъ, но еще осталась мускулатура. Надо подождать съ отсылкой пока она не сойдетъ." Офицеры требовали отправки поручика Артоболевскаго въ санаторіумъ. Наконецъ его рѣшили отправить. Санаторіумъ!! наивные! они вѣрили нѣмецкой комендантурѣ. Санаторіумъ выговаривается, а пишется „лагерь для туберкулезныхъ Шпортау."

Этотъ лагерь былъ устроенъ въ болотистой мѣстности, вѣроятно потому, чтобы было легче избавиться отъ больныхъ.

Старый полковникъ Бауэръ, страдающій астмой, попавшій въ лагерь Шпротау и жившій въ одномъ отдѣленіи барака съ подпоручикомъ Артоболевскимъ такъ разсказываетъ о его жизни: „Лагерь этотъ былъ ужасенъ, санитарныя условія такія, какія могутъ сломить здоровье кого угодно, о пищѣ лучше не будемъ говорить,—грубость нѣмцевъ, отъ коменанта до послѣдняго солдата прямо нечеловѣческая.

Невеселая жизнь была Артоболеввкаго, напрасно я старался утѣшать и развлекать его, понялъ онъ свое положеніе, понялъ нѣмцевъ и махнулъ рукой.

Неподвижно сидѣлъ онъ часами у окна и смотрѣлъ туда, куда каждый день провожалъ священникъ вагонетку, запряженную лошадью, на которой чернѣлся одинъ или нѣсколько гробовъ. Тамъ, вдали было расположено кладбище для военно-плѣнныхъ.

„Не падай духомъ, подожди, уже скоро будетъ обмѣнъ инвалидовъ и тебя отправятъ въ нейтральную страну," сказалъ я однажды ему.

Горькая улыбка показалась на его блѣдномъ лицѣ. „Да, да... отправятъ и меня—тамъ моя нейтральная страна, куда священникъ отправляетъ инвалидовъ," отвѣтилъ онъ указывая туда, гдѣ чернѣлись деревянные крестики.

Не знаю, какъ попалъ ему въ руки томикъ новѣйшихъ, декадентскихъ стиховъ; и этотъ томикъ принесъ ему много утѣшеній.

Умирающій, онъ забывалъ о черныхъ крестикахъ, о холодномъ баракѣ, о нѣмцахъ и уносился въ другіе міры... съ зардѣвшимися щеками декламировалъ стихи и защищалъ модернизмъ.

13

„Это стихи будущаго! Ахъ какъ хороши эти смѣлыя сравненія, эти звучные ассонансы, какъ пріятно слышать и понимать ихъ."

Уѣхалъ полковникъ—перевели его въ другой лагерь, уѣхалъ и Артоболевскій...

Одинъ, заброшенный, здѣсь, посреди нѣмецкаго болота умеръ въ холодномъ баракѣ... И отвезли былого гвардейца въ ту нейтральную страну, гдѣ лежали подъ землей инвалиды, слуги далекаго отечества. А правду все-таки говорилъ Артоболевскій, называя кладбище нейтральной страной. Только тамъ не тяготѣетъ грубый режимъ и вѣчная ложь, тамъ отдыхаютъ усталые воины, туда не доносится грубость, тамъ не стоятъ часовые.

„Не плачьте русскія матери—дѣти ваши кончили свои страданья—сейчасъ они въ нейтральной странѣ."

ГЕНЕРАЛЪ МААСЪ.

Одно изъ яркихъ воспоминаній плѣна относится къ большому пріятелю русскихъ, адъютанту бельгійскаго короля, генералу Маасу. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ своей столицѣ, когда нѣмецкіе войска наводнили Бельгію. Онъ имѣлъ время бѣжать во Францію за своимъ королемъ, но какъ честный солдатъ, оставался на своемъ посту, исполняя королевскія приказанія до послѣдней минуты.

Я имѣлъ честь познакомиться съ нимъ въ лагерѣ военноплѣнныхъ „Гютерслоо." Съ перваго момента знакомства я увидѣлъ что онъ любитъ русскій народъ и вѣритъ глубоко въ мощь Россіи. „Только Россія можетъ спасти міръ отъ нѣмецкаго насилія, о! я знаю русскіе рано или поздно придутъ въ Берлинъ"... говорилъ онъ твердо и увъренно.

Надо было видѣть его, какъ онъ радовался, когда палъ Перемышль въ руки русскихъ и 100 тысячъ его гарнизона. „Видите... теперь не долго ждать!" говорилъ онъ, привѣтливо сжимая руки своихъ русскихъ друзей...

Но вотъ началось Галиційское отступленіе послѣ провыва фронта у Горлицы... Заболѣлъ бельгійскій генералъ... рѣдко выходилъ изъ своей комнаты... мало говорилъ... Палъ Перемышль... Львовъ... Варшава... падали крѣпости... русскіе отходили все дальше и дальше на востокъ. Сломилась вѣра генерала Мааса въ побѣду союзниковъ, въ свободу и независимость своей родины, въ торжество справедливости.

Напрасно утѣшали его русскіе друзья, что Россія такъ легко не откажется отъ побѣды, что она пополнитъ свой недостатокъ въ снаряженіи и въ новомъ году устроитъ Германіи 12 годъ „Березину."

Генералъ слабѣлъ, здоровье его таяло. „Вамъ ничего — вы можете потерять земли, которые прежде не были ваши, въ которыхъ не живутъ русскіе, а Бельгія, бѣдная Бельгія!“

Однажды онъ попросилъ видѣть коменданта лагеря и сказалъ ему: „я уже не опасенъ вамъ, дни мои сочтены... я прошу васъ послать меня на родину, чтобы могъ тамъ умереть.“ Бельгія была окупирована нѣмецкими войсками и поэтому военное нѣмецкое министерство позволило послать въ Бельгію генерала Мааса... Немного времени спустя умеръ генералъ.

Передъ своей смертью онъ просилъ послать свои фотографическія карточки въ лагерь военно-плѣнныхъ Гютерслоо для своихъ друзей... Всѣ, кто его зналъ были опечалены извѣстіемъ его смерти. То, что думали о немъ вылилось въ короткой подпискѣ на лентѣ огромнаго вѣнка, посланнаго въ Бельгію военно-плѣнными на его могилу. На этой лентѣ было написано: „Рыцарю безъ страха и упрека.“

СОЮЗНИКЪ.

Много работали нѣмцы чтобы уничтожить дружбу между союзниками, чтобы развалить союзъ, и въ результатѣ достигли своего. Но вспоминая плѣнную жизнь, я могу сказать, что былъ моментъ, когда союзъ этотъ былъ скованъ желѣзомъ и кровью и однимъ общимъ страданіемъ. Взгляните хотя-бы на кладбища въ Германіи, гдѣ около ряда крестовъ съ французскими фамиліями стоятъ кресты съ фамиліями „Ивановъ“ „Петровъ“ „Митюхинъ“ и др. а надъ ними одна общая фраза одинаковая для романской, англосаксонской и славянской расы „умеръ за свою родину“ „für sein Faterland.“ Помню, какъ скрежетали зубами отъ злобы нѣмцы, когда видѣли доказательства нашего союза...какъ радовались они, когда союзъ поколебался.

А доказательствъ дружбы союзниковъ было много: Почему напримѣръ смертность въ лагерѣ для однихъ русскихъ военноплѣнныхъ была значительно больше, чѣмъ въ лагерѣ смѣшанномъ?

Французы и англичане отдавали свой казенный обѣдъ неполучающимъ посылокъ русскимъ, давали свою порцію хлѣба, иногда дѣлились и своими галетами... а русскіе солдаты, привыкшіе къ суровой, русской зимѣ оказывали драгоцѣнныя услуги болѣе избалованнымъ климатомъ и условіями жизни союзникамъ, при тяжелыхъ, зимнихъ работахъ. Я видѣлъ самъ въ лагерѣ на форту Цорндорфъ, какъ несъ маленькій французскій солдатикъ огромный ящикъ, это было зимой, его замерзшія руки готовы были упустить ящикъ, тяжесть котораго была для него непосильная. Нѣмецкій часовой не зналъ пощады, а вѣроятно эта сценка кон-

чилась бы по обыкновенію ударами приклада, если бъ здѣсь не появился со своей добродушной улыбкой, одѣтый въ лохмотья сибирякъ Иванъ. „Идь дому—ты!... раздавитъ тебя ящикъ... ну,“ заговорилъ Иванъ, широко осклабившись при видѣ француза, взялъ ящикъ своими огромными красными, привыкшими къ морозу руками, взвалилъ его на широкія плечи и ровной качающейся походкой пошелъ по дорогѣ, не обращая вниманія на крики и ругань часового.

Помню я, какъ голодалъ офицерскій лагерь для русскихъ „Лихтенгорстъ“, гдѣ комендантъ Hauptmann Францъ позволялъ своимъ солдатамъ дѣлать обыски по своему произволу и отбирать у офицеровъ тѣ съѣстные продукты, которые они купили или вымѣнили за вещи. Около этого лагеря работали плѣнные французскіе и бельгійскіе солдаты.

Узнавъ, что русскіе офицеры голодаютъ, французы и бельгійцы съ восторгомъ крали во время работъ на полѣ картофель и, рискуя наказаніями, носили русскимъ союзникамъ и были горды и счастливы, что могутъ безкорыстно помочь; но какъ это не нравилось нѣмцамъ, какъ ихъ выводило изъ себя!

Когда нѣмцы привезли въ Германію плѣнныхъ сербовъ, полуживыхъ отъ голода, въ нашъ лагерь залетѣла вѣсть, что путь этихъ плѣнныхъ отъ станціи до лагеря былъ усѣянъ трупами ослабѣшихъ отъ голода сербовъ. „Надо было видѣть ихъ убожество и степень истощенія“—говорилъ мнѣ французскій солдатъ. „Мы дали имъ хлѣбъ и галеты, но нѣкоторые сербы уже не могли ѣсть, другіе съѣли больше чѣмъ надо и умерли,“ разсказывалъ онъ.

Узнавъ эту новость о сербахъ, нашъ лагерь рѣшилъ послать имъ съѣстные прооукты — нѣмцы безъ причины не позволили. Тогда нашъ лагерь собралъ крупную сумму денегъ и отдалъ комендантурѣ съ просьбой отослать сербамъ.

Черезъ мѣсяцъ спросили о судьбѣ нашихъ денегъ; оказалось, что деньги были до сихъ поръ въ комендантурѣ; еще черезъ нѣкоторое время намъ отвѣтили, что и денегъ послать сербамъ мы не имѣемъ права. Не хотѣли нѣмцы видѣть нашу дружбу и взаимопомощь.

Помню разсказъ одного изъ моихъ товарищей по плѣну. Вотъ что онъ мнѣ разсказалъ: „У насъ въ лагерѣ денщиками были французы; особенно любили мы одного молодого и привѣтливаго француза. Никто не умѣлъ такъ ловко принести въ лагерь ромъ или за спиной часового передать посылку товарищу, находящемуся подъ арестомъ; всѣ мы любили его. Какъ-то разъ наскочилъ на этого француза, шедшаго по двору въ своихъ деревянныхъ „сабо“ нѣмецкій часовой и сталъ что-то отъ него требовать. Французикъ добродушно улыбнулся въ знакъ того, что абсолютно ничего не понимаетъ. Нѣмецъ кольнулъ его штыкомъ въ грудь, и французъ упалъ, обливаясь кровью...

Всѣ русскіе пошли къ комендантурѣ съ протестомъ, и когда нѣмцы отказались принять необходимые мѣры, предложенныя русскими офицерами, лагерь сдѣлалъ демонстрацію.

Конечно, не демонстрація подѣйствовало такъ на комендантуру, а это доказательство дружбы и сплоченности союзниковъ... Комендантъ пришелъ въ бѣшенство. Онъ отдалъ приказъ, чтобы часовые заперли русскихъ офицеворъ по комнатамъ, а раненнаго французскаго солдата велѣлъ подвѣсить такъ, чтобы русскіе могли его видѣть изъ окна...

Послѣ этой мѣры долго не могъ комендантъ успокоить лагерь.

Подвѣшенный русскій солдатъ.

„ШАХТЫ И РАБОТЫ НА ФРОНТѢ.

Если изъ солдатскихъ лагерей несся крикъ о помощи, то изъ шахтъ и изъ лагерей за фронтомъ несся стонъ полнаго отчаянія.

На фронтъ отправлялась команда плѣнныхъ, доведенныхъ голодомъ и побоями до такого неописуемаго убожества, что, право, можно утверждать, что древніе христіанскіе мученники не испытали большихъ мученій, чѣмъ эти мученники 20-го столѣтія, жертвы германской культуры.

15

Читатели! если встрѣтите солдата, бывшаго военно-плѣннаго въ Германіи, съ исковерканными конечностями и если скажетъ онъ вамъ, что работалъ на шахтахъ въ германскомъ плѣну, позовите его къ себѣ, дайте ему то, въ чемъ онъ нуждается и согрѣйте его лаской и человѣчностью, такъ какъ помните, что передъ вами стоитъ тотъ-же христіанскій мученникъ и нѣтъ на свѣтѣ такой ласки, которая-бы залечила его душевныя раны.

Позволю себѣ привести слова самого нѣмца, одного изъ переводчиковъ лагеря Гютерслоо.

„Я былъ одно время переводчикомъ въ командѣ русскихъ плѣнныхъ на шахтахъ — нехорошо дѣлаетъ наше правительство, допуская такіе звѣрства съ людьми; знаете, нервы не выдержали, просилъ, чтобы перевели куда-нибудь въ другое мѣсто...“

О работахъ за фронтомъ, вѣроятно, читатели уже слышали, а потому я не буду повторять. Самое отвратительное въ нихъ было то, что плѣнные своими руками должны были приготовлять препятствія для своихъ соотечественниковъ и падать отъ ихъ пуль и снарядовъ.

„Почему не отказывались, почему не бунтовали?“ невольно навернется вопросъ. Отказывались и бунтовали, и тѣ уже давно похоронены, а тѣ, кто шли на эти работы, были доведены до такого физическаго и моральнаго состоянія, въ которомъ человѣкъ не знаетъ, что „творитъ“.

Позволю себѣ припомнить объ отправкахъ плѣнныхъ офицеровъ въ мѣста, находящіяся въ сферѣ атакъ аэроплановъ. „Авось свой убьетъ своего“ — говорила ихъ идея, а беззащитные несвободные офицеры ждали смерти отъ рукъ своихъ братьевъ, а противъ этихъ гнусныхъ мѣръ не протестовали нѣмецкіе писатели, представители нѣмецкой науки и гуманности — они молчаливо съ ними соглашались.

ШВАРМШТЕДТЪ.

Квинтъ-эссенція мерзости, подлости,
Да въ Берлинѣ нѣмецкій совѣтъ,
Сочетавшися въ грубой несложности,
Переслали сюда насъ въ Швармштедтъ.
Въ грязь квадрата тягуче-изрытаго,
Гдѣ желѣзо краснѣетъ стоять,
Какъ осколокъ родного, забытаго
Тихо влилася плѣнная рать.
И желѣзная сѣть ожелѣзила
Нашъ квадратъ и четыре гроба.
Далью женщину намъ отзавѣсила,
Покраснѣвши отъ ржи и стыда.

Только ночью безумными нотами,
Совершая крылатый полетъ,
Черный вѣтеръ, летя надъ болотами,
Свою страшную пѣсню поетъ.
„Есть канава глубокая, узкая,
Что тамъ, ящерясь, топко легла;
Не текла, но — война франко-прусская,
А за ней - и она потекла.
Рыли плѣнные... Сырость туманная,
Ядъ зеленый хрипѣлъ въ ихъ груди,
А канава росла окаянная,
Обезгробѣвши смерть на пути.
Захлебнулись рабы въ ней мокрицами,
Холодъ рвалъ ихъ... суставы кривилъ,
И легли съ искаженными лицами
Въ лихорадку бездонныхъ могилъ.
Снятся цѣпи имъ острыя, прусскія;
Снится имъ ихъ зеленый полонъ,
И не знаютъ, что витязи русскіе
Къ ихъ могилѣ пришли на поклонъ."
Такъ, пропѣвъ свои пѣсни залетныя,
Вѣтеръ мчится въ туманы скорѣй.
Въ лужахъ хлюпаютъ крысы болотныя,
Да рябятся огни фонарей.
Дождь по крышѣ стучитъ надъ бараками
Безконечна ночная пора...
Но на небѣ кровавыми знаками
Новый путь намъ начертитъ заря.

ШВАРМШТЕДТЪ.

На болотистой равнинѣ Ганноверской провинціи есть знаменитый треугольникъ репресивныхъ лагерей: Швармштедтъ, Лихтенгорстъ и Штроеръ-Мооръ. По словамъ мѣстныхъ жителей передъ франко-прусской войной здѣсь лежало непроходимое болото и вотъ впервые плѣнные французы были посланы осушать его. Въ настоящее время эти торфяныя болота уже высушены, кое-гдѣ проходятъ канавы, наполненныя густой, зеленовато-бурой водой; почти всегда надъ этой равниной гудитъ вѣтеръ, а подъ ногами трясется торфяная почва.

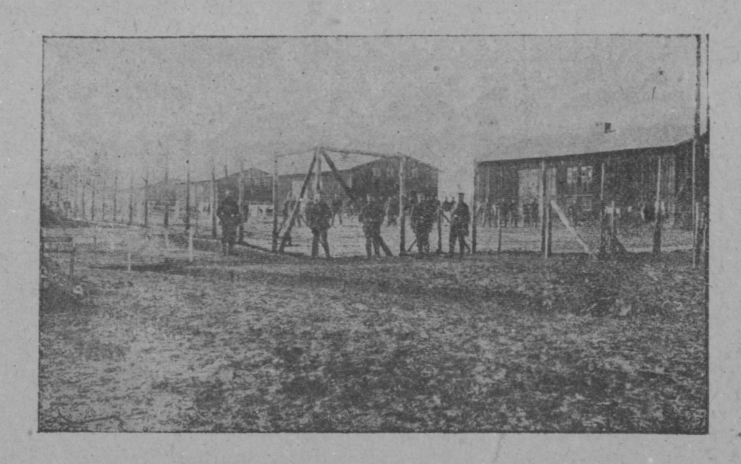
Былъ договоръ русскаго и нѣмецкаго правительства, по которому въ репрессивный лагерь Штроеръ-Мооръ русскіе офицеры не будутъ отправляться такъ же, какъ и въ другой такой же лагерь Остеръ-Хольцеръ-Мооръ. Военное министерство послало въ Штро-

16

еръ-Мооръ англичанъ, а названіе Остеръ-Хольцеръ-Мооръ переиминовавъ на Швармштедтъ, сдѣлало лагеремъ для русскихъ офицеровъ.

Лагерь Лихтенгорстъ — это 4 сѣнныхъ сарая посреди болота, грязныхъ, холодныхъ и густо населенныхъ разными насѣкомыми. Его отличіе отъ другихъ лагерей на болотахъ было то, что изъ полуаршиннаго колодца на дворѣ текла вода (на питье плѣннымъ) съ ужаснымъ запахомъ тухлаго яйца. Нѣкоторыхъ тошнило, когда они мылись ею. Другое отличіе его заключалось въ томъ, что къ его проволочной загородкѣ примыкало кладбище для плѣнныхъ. Потемнѣвшіе деревянные кресты, выглядывающіе изъ болота, ужасно дѣйствовали на психику многихъ. При первой возможности я

Лагерь Лихтенгорстъ на Ганноверскихъ болотахъ.

заглянулъ на кладбище и, читая на крестахъ фамиліи и даты похороненныхъ могъ констатироватъ слѣдующую вещъ: 95% ихъ было похоронены въ январѣ и февралѣ 1915 и 1916 года, почти всѣ были французы и бельгійцы, нѣсколько русскихъ и два англичанина. Не кажется ли вамъ, читатели что единственнымъ объясненіемъ смерти въ январѣ и въ февралѣ можетъ быть то, что плѣнные замерзали на работахъ въ болотѣ и въ этихъ 4-хъ сѣнныхъ баракахъ. Впослѣдствіи, при разговорѣ съ однимъ бельгійскимъ военно-плѣннымъ, который былъ въ этомъ лагерѣ 1916 году, предположеніе мое оказалось безошибочнымъ.

ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ.

Какъ видите изъ отдѣльныхъ разсказовъ, въ жизни плѣнныхъ солдатъ были различія и варіаціи въ зависимости отъ лагеря, но былъ также факторъ общій для всѣхъ лагерей—это неумолимое лицо голода, смотрѣвшее на всѣ лагеря одинаково своими ненасытными, жадными глазами.

Многихъ изъ тѣхъ, кого пощадила сталь на полѣ, задушила въ плѣну костлявой рукой голодная смерть.

Не вѣрьте, если услышите, что нѣмцы не давали достаточно питанія потому, что не имѣли его сами. Голодная смерть царствовала въ 1915 году (свидѣтельство всѣхъ русскихъ врачей), когда нѣмцы имѣли столько съѣстныхъ продуктовъ, что, при желаніи, могли ими объѣдаться. Не вѣрьте также, если вамъ скажутъ, читатели, что народъ не виноватъ, виновато кайзерское правительство. Народъ издѣвался надъ голодными толпами работающихъ солдатъ, совѣты солдатъ и рабочихъ депутатовъ (представители народа), взявъ въ свои руки правленіе страной, не прекратили голодную смерть и поддерживали ее до конца. Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ русскихъ врачей о смертности въ 1915 году. „Мы были посланы на эпидемію тифа въ солдатскіе лагеря—случаи тифозныхъ заболѣваній были, но подавляющее большинство солдатъ умирало отъ истощенія—голодною смертью. Имѣйте въ виду, что всѣ листы, на которыхъ было написано распредѣленіе питательныхъ продуктовъ (бѣлковъ, жировъ, углеводовъ) и цифры были фальшивые. То, что тамъ было написано, плѣнный не получалъ никогда, это былъ подставной оправдательный документъ. Сколько раздирающихъ душу картинъ пришлось увидать мнѣ. Слабые, какъ дѣти, исхудалые, они тянули ко мнѣ довѣрчиво руки и вѣрили въ помощь... Помню, сидѣлъ я въ палатѣ лазаретнаго барака, вижу на меня смотрятъ грустные впалые глаза молодого солдата, котораго я очень любилъ. Какъ на зло эти недѣли я не получалъ посылокъ изъ Россіи и абсолютно нечего было ему дать.

„Ну что Трофимъ! хочешь ѣсть?“ спрашиваю.

„Нѣтъ, Ваше благородіе, ѣсть ужъ не хочется, вотъ закурить-бы хотѣлось!“ Я вынулъ папироску и далъ ему, зажегъ ему... жадно схватилъ онъ ее своими исхудалыми, дрожащими пальцами...

Въ это время меня кто-то позвалъ; тамъ у другой стѣны умеръ совершенно неслышно солдатъ. Осмотрѣлъ его, констатировалъ смерть... повернулся къ Трофиму, а онъ тихо лежитъ съ папироской... не куритъ... „Что Трофимъ погасла папироса?“ Подошелъ ближе; папироса погасла, угасъ и Трофимъ... Не выдержалъ, знаете, заплакалъ, таковы нервы были, а потомъ злоба метнулась во мнѣ. Лгу я и долженъ лгать, какъ рабъ, какъ нѣмецкій тюремщикъ... хотѣлось броситься къ землякамъ и закричать: „не вѣрьте мнѣ, лгу вамъ, нѣтъ для васъ спасенія, вы обречены на гибель, васъ рѣшили извести,“ хотѣлось обнять ихъ и проклинать вмѣстѣ съ ними убійцъ.“

17

Не помогло плѣннымъ солдатамъ правительсто Ленина, заключившее „Брестъ-Литовскій миръ.“

Голодную смерть прекратила побѣда союзниковъ и посылки съ ихъ продуктами.

Какъ пахали на русскихъ военно-плѣнныхъ.

ШТРОЕРЪ-МООРЪ.

Здѣсь не видно бѣлаго,
Никакихъ цвѣтовъ,
Только даль туманная
Безъ конца-концовъ.
Гибнетъ все прекрасное,
Ржою кроетъ тля,
Вотъ она, кровавая
Бурая земля.
Въ ней лежатъ сородичи. . .
Липкій, вязкій илъ
Раны, боль, мученія —
Все навѣки скрылъ.
Здѣсь въ болото загнанный
Сѣрою толпой,
Отдалъ жизнь солдатскую
Нашъ землякъ родной.
Рылъ онъ рвы зловонные,
Думалъ — стерпитъ все,
Только смерть голодную —
Не стерпѣлъ ее.
На костяхъ построенный
Хищниковъ притонъ. . .
Въ немъ таятся жалобы,
Въ немъ родился стонъ.
Замкнутъ кругъ отравленный
Некуда идти.
Голосъ тонетъ въ омутѣ,
Къ небу нѣтъ пути.
Царствуетъ въ безмолвіи
Хищная сова.
Стелется унылая
Лишь полынь-трава.
Только Воля темная
Все грозитъ одна,
И живое, блѣдное
Спитъ, не зная сна.
Яркое и личное
Стерто безъ тѣней

Ночью непробудною,
Солнцемъ безъ лучей.
Гаснетъ дума ясная;
Нѣту грезы къ снамъ;
Черный вѣтеръ бѣшено
Стонетъ по ночамъ.
Дни идутъ безъ памяти,
Жизнь, постой, постой!
Милая, прекрасная,
Не иди со мной.
Силы всѣ задушены,
Вотъ мой крикъ безъ словъ:
Сгинь, страна тюремщиковъ!
„Сгинь, страна враговъ!
Наши счеты кончены,
Есть одинъ лишь счетъ —
Какъ заплатитъ родина?
Какъ она пойметъ!?“

ШТРОЕРЪ-МООРЪ.

Нѣмецкій шпіонажъ въ 1916 г. досталъ свѣдѣнія о плохомъ содержаніи нѣмецкихъ военно-плѣнныхъ на Мурманской желѣзной дорогѣ. Рескриптомъ кайзера былъ основанъ репрессивный лагерь „Штроеръ-Мооръ“, куда должны были быть посланы русскіе офицеры болѣе извѣстныхъ полковъ.

Меня привезли туда въ началѣ октября; здѣсь я впервые познакомился съ болотами Ганновера, которыя впослѣдствіе посѣтилъ три раза. На зыбкой торфяной почвѣ стояли четыре черные барака, густо набитые запертыми тамъ офицерами. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на мораль плѣнныхъ, былъ прочитанъ приказъ о сформированіи репрессивнаго лагеря Штроеръ-Мооръ и о тѣхъ лишеніяхъ, которымъ должны были подвергаться офицеры. Желая задѣть самолюбіе, приказъ говорилъ о вшиваніи каждому офицеру повязки на рукавъ одежды съ надписью K. G. F. „Kriegsgefangener“ и арестантскаго номера

Насъ привезли ночью; долгая дорога отъ станціи по болотистой равнинѣ, видъ этихъ бараковъ, трясущаяся подъ ногами почва, чтеніе приказа — все это ошеломило офицеровъ и толкнуло на отчаянный протестъ. Русскіе офицеры заявили нѣмецкому коменданту, читающему приказъ, что они его слушать не хотятъ, что его лжи о Россіи не вѣрятъ, а отъ нѣмцевъ привыкли ожидать все... Дальнѣйшее чтеніе было нарушено криками. Но не такъ дѣйствовали на мораль отсутствіе услугъ, чистоты, прачешной, страшная скученность и тухлая, бурая съ жировымъ отливомъ вода, какъ слухъ, пущенный нѣмцами, что въ этомъ лагерѣ была тифозная эпидемія, отъ которой умерли сотни русскихъ солдатъ. „Смерти я не боюсь и никогда не боялся, но умереть здѣсь на болотѣ, быть похороненнымъ подъ нѣмецкой землей—это ужасъ!“ помню, говорилъ одинъ старый запасный офицеръ. „Вашъ лагерь изолированъ и крики ваши и протесты не услышитъ никто, а если хотите бунтовать, помните, что четыре пулемета смотрятъ на лагерь“... говорили нѣмцы.

Нѣкоторыхъ плѣнныхъ охватывала апатія, нѣкоторые поддались отчаянію, а нѣкоторые старались веселостью украсить это каррикатурное подобіе жизни и не унывать.

Часто вспоминается мнѣ видъ этихъ бараковъ снаружи и внутри; особенно грустный видъ имѣли они вечеромъ: полутемнота, холодъ двухъ-этажныя нары на четырехъ и на восемь человѣкъ съ узкими промежутками между собой; на этихъ нарахъ лежатъ поблѣднѣвшіе, исхудалые люди, здоровые рядомъ съ больными. Помню я, какъ нашелъ одного изъ своихъ товарищей, Лозовскаго, страдавшаго маляріей; онъ трясся на нарѣ въ лихорадкѣ такъ, что всѣ обитатели этой нары слышали...

Пищу, которую приносили два раза въ день въ жестяныхъ бакахъ, я описывать не стану, скажу только, что можно было ее ѣсть тому, кто слишкомъ страдалъ отъ голода. Прибавьте къ этой мрачной, тюремной жизни еще грубость нѣмецкихъ солдатъ и передъ вами встанетъ болѣе или менѣе полная картина этой Штроеръ-Моорской репрессіи. Нѣкоторые лишились сна, много офицеровъ заболѣло нервами.

Помню, какъ-то разъ сползали эти блѣдные люди со своихъ наръ и тянулись къ серединѣ барака. Тамъ густо облѣпили нары, заполнили всѣ промежутки между ними и лихорадочно слушали, какъ читалъ одинъ офицеръ при блѣдномъ свѣтѣ ацетелиноваго фонаря письмо, пришедшее изъ солдатскаго лагеря „Остеръ Хольцеръ Мооръ“ (впослѣдствіе Швармштедтъ). Писали унтеръ офицеры, обезсиленные отъ голода... это былъ крикъ истязаемыхъ, крикъ о помощи.

Я думаю, каждый, кто былъ въ Штроеръ Моорѣ, знаетъ о сущности этого письма. Я, къ сожалѣнію, долженъ былъ уничтожить его копію при одномъ изъ обысковъ, но вотъ приблизительно то, о чемъ оно говорило: „Узнали мы, что вышелъ законъ, по которому унтеръ-офицеровъ безъ ихъ добровольнаго согласія отправлять на работу нельзя. Кто-же изъ насъ русскихъ захотѣлъ работать на нѣмцевъ; разумѣется никто не далъ согласія. Тогда насъ всѣхъ собрали и послали въ Остеръ Хольцеръ-Мооръ, сказавъ намъ: „посмотримъ какъ вы не будете работать!“ Кормили насъ очень плохо—водой съ картофельными очистками, а главное крали посылки... Утромъ подымали въ 5 часовъ и гнали на занятія. Занятія заключались въ слѣдующемъ: по свистку должны были бѣжать, по командѣ „ложись“—падать, по свистку—вставать и опять бѣжать. Команды „ложись“ слышно почти не было, бѣгали до полнаго утомленія, кто отставалъ, того били прикладами такъ, что падалъ безъ чувствъ; приводили въ чувство и опять гнали... гнали и били. Кто падалъ и, не смотря на побои, не могъ встать, того отвозили потомъ въ лагерь въ вагонеткѣ.

И такъ каждый день... Не выдержали... и отказались идти на такія занятія. Насъ выгнали изъ бараковъ и окружили цѣпью часовыхъ съ ружьями... пришелъ комендантъ... онъ былъ пьянъ

Вскорѣ принесли пожарный насосъ и начали лить въ насъ воду, лили воду въ лицо, одежда наша обледенѣла, двое захлебнулись, ихъ откачали и опять бросили къ намъ и опять лили воду. Кто хотѣлъ выйти оттуда, того кололи штыками. Больше половины людей упало въ воду... „Будете работать?“ ревѣлъ комендантъ и пустилъ на насъ въ атаку часовыхъ...

Слышенъ былъ хрустъ отъ ударовъ дерева по костямъ. Стонъ пошелъ по всему проклятому Моору... было много израненныхъ, были тамъ и убитые.

Одна изъ комнатъ репрессивнаго лагеря Halle.

Эти офицеры отказались исполнить приказъ о снятіи погонъ. Погоны съ нихъ были сорваны насильно. Когда имъ послѣ предложили одѣть погоны, одинъ изъ нихъ отвѣтилъ за всѣхъ: „Мы надѣнемъ погоны только тогда, когда дадите намъ сабли, которыми бы могли на будущее время защищаться отъ вашего насилія.“

„Что дѣлать намъ?“ спрашивали дальше въ письмѣ унтеръ-офицеры... пока еще держимся, не работаемъ... но если намъ не поможетъ наше правительство, насъ здѣсь всѣхъ замучаютъ... не придется тогда повидать и Россію“...

Сужденій, проэктовъ помощи было много. Единственный изъ нихъ мнѣ казался правильнымъ: немедленная помощь посылками и дружескій совѣтъ имъ, въ данномъ вопросѣ принять свое собственное рѣшеніе, т. к. ихъ поведеніе можетъ служить примѣромъ каждому, такъ же, какъ и ихъ мораль, а дальше—надо выиграть войну.

Когда будетъ выиграна война, тогда виновники грабежей, звѣрствъ и убійствъ отвѣтятъ передъ лицомъ русскаго суда. Всѣ эти коменданты не уйдутъ отъ скамьи подсудумыхъ и, кто знаетъ, можетъ быть сядетъ тамъ тотъ, кто санкціонировалъ формированіе подобныхъ лагерей и репрессій, тотъ кому больше всего подходитъ эта скамья за все, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ.

Это было единственное законное утѣшеніе.

Родина не забудетъ ничего, что сдѣлали ея сынамъ—говорили плѣнные. „Какъ заплатитъ родина? какъ она пойметъ?!“ заканчивается стихотвореніе „Штроеръ-Мооръ“. Но родина заключивъ миръ, оставила насъ на „полный“ произволъ нашимъ тюремщикамъ. „Почему?“

На это я не могу отвѣтить.

ОСНАБРЮКСКАЯ РЕПРЕССІЯ.

Я тамъ, слава Богу, не былъ и фамилію коменданта не знаю или вѣрнѣе забылъ ее, но тотъ, кто былъ въ этомъ лагерѣ, не забудетъ эту „извѣстную личность“.

Репрессія, какъ гласилъ приказъ, была за Астрахань. Что было сдѣлано русскими властями въ Астрахани, я не знаю, но вотъ что сдѣлали нѣмцы:

(Приказъ о этой репрессіи хранится у офицеровъ бывшихъ въ этой репрессіи и поэтому то, что я пишу, можно всегда свѣрить съ нимъ.) Офицеры были размѣщены приблизительно въ два раза тѣснѣе обыкновеннаго, книги и все, что можетъ служить развлеченіемъ, было отобрано; двери и окна закрыты. Полчаса въ день полагалось на обѣдъ и прогулку, во время которой курить воспрещалось. Вообще же курить было позволено.

„Почему?“ спросятъ меня читатели. „Потому, что если скученные въ запертой комнатѣ люди начнутъ курить, то несомнѣнно начнутъ задыхаться, а далѣе пребываніе въ такомъ помѣщеніи поможетъ скорѣе сломить здоровье, а этого-то и хотѣло военное министерство. Попробовали плѣнные курить въ печь; нѣмцы, узнавъ объ этомъ, забили дверцы печей.“ Теперь представьте себѣ шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ такой жизни. Появились грудные заболѣванія, чахотка стала заглядывать въ душныя, инквизиціонныя комнаты. Больныхъ оставляли со здоровыми. Каждые полчаса врывался въ комнату нѣмецкій солдатъ контролировать, что дѣлаютъ плѣнные и требовать, чтобы громко не говорили... Чаша терпѣнія переполнилась. Не выдержали... Успѣли во время обѣда обмѣняться нѣсколькими фразами... было рѣшено „бунтовать“.

На другой день ровно въ 2 часа дня, казалось, всѣ удары слились въ одинъ общій могучій ударъ, который выбилъ всѣ стекла

этой тюрьмы. Нѣкоторые часовые убѣжали, другіе прицѣливались въ окна. А плѣнные приникли къ открытымъ окнамъ и дышали полною грудью. Однако не долго пришлось имъ дышать; на другой день окна были на-глухо забиты досками и сцѣплены желѣзной скобой; офицеры были объявлены комендантомъ на положеніи арестантовъ и въ комнаты были внесены всѣ атрибуты арестантской камеры.

14 сутокъ никто не смѣлъ открыть ни окно, ни дверь, послѣ чего пришелъ приказъ, которымъ кончалась репрессія.

Всѣ бывшіе въ ней нуждались въ леченіи и нѣмецкій комендантъ обѣщалъ имъ послать ихъ въ санаторіумъ. Такъ лгалъ имъ комендантъ, отправляя ихъ, вмѣсто санаторіума, на новую репрессію въ „Штроеръ-Mooръ".

Послѣ этой репрессіи одинъ изъ русскихъ офицеровъ съ нѣмецкой фамиліей далъ слово измѣнить ее; онъ говорилъ намъ, что онъ стыдится за все нѣмецкое.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

„Дикарь свирѣпъ, но не опасенъ культурному человѣку, который знакомъ съ техникой и наукой. Но есть дикари, которымъ служитъ наука и техника, которыхъ окружила культура, но, пройдя мимо нихъ, не проникла въ душу — такіе дикари опасны человѣчеству."

Одинъ изъ русскихъ писателей, не соглашаясь съ французской прессой, которая утверждала, что Бисмаркъ послѣ франко-прусской войны хотѣлъ уничтожить Францію, указывалъ на то, что для уничтоженіи Франціи Бисмаркъ долженъ былъ бы уничтожить французскую интеллигенцію, что онъ или по ошибкѣ, или по нежеланію не сдѣлалъ.

Вглядѣвшись сейчасъ въ ту роль, которую играли нѣмцы по отношенію къ Россіи, я считаю необходимымъ указать на слѣдующее:

1) На фронтѣ—тактика нѣмцевъ была—выбить прежде всего офицеровъ (вещь вполнѣ понятная съ точки зрѣнія тактики).

2) Въ плѣну — уже изъ этихъ краткихъ разсказовъ можно видѣть стремленіе нѣмцевъ сдѣлать офицеровъ неспособными къ работѣ и жизни (систематическій голодъ, антисанитарныя условія).

3) Изучая русскую революцію, можно видѣть какой-то новый появившійся лозунгъ, брошенный массамъ: „убивай русскую интеллигенцію." Аристократія русская слаба, малочислена, безпринципна и интернаціональна, — слѣдовательно не опасна нѣмцамъ. — Ее уничтожали только постольку, поскольку она мѣшала правительству совѣтовъ. Больше всего была непріятна нѣмцамъ русская буржу-

20

азія, препятствовавшая вторженію нѣмецкой интеллигенціи (буржуазіи) въ Россію. Съ уничтоженіемъ русской интеллигенціи (буржуазнаго класса) Германія можетъ послать темному русскому народу свою интелигенцію, которая поведетъ народъ „туда“, куда Германія хочетъ (лагеря военно-плѣнныхъ Данцигъ, Шпротау, Остеръ-Хольцеръ-Мооръ и др.) и возметъ отъ народа то, что ей нужно. Значитъ—единственнымъ препятствіемъ есть русская интеллигенція (буржуазія). Является вопросъ — „какъ ее уничтожить?“ Primo — направить искусно на нее свой собственный темный народъ и уничтожить ее руками русскаго народа. Secundo — играя на ошибкахъ союзниковъ и извлекая пользу изъ ужаснаго положенія, въ которомъ находится русскій интелигентный классъ, сдѣлать его германофильскимъ, т. е. проводителемъ нѣмецкой идеи. И вотъ большевики уничтожаютъ буржуазію, а въ Берлинѣ сходится извѣстная часть русскихъ бѣженцевъ, гдѣ, говорятъ, о нихъ „заботится“ нѣмецкое правительство... Работа идетъ по программѣ...

И кажется мнѣ, что надъ тѣломъ обезчещенной, окровавленной родины летаетъ кровавый вампиръ и точитъ свои когти, ожидая мгновенія, когда ему будетъ можно броситься на свою жертву и жадно пить ея кровь, обильно текущую изъ огромныхъ ранъ.

Что дѣлать?.. Пусть каждый самъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ. А если спросите мое мнѣніе, я отвѣчу такъ:

„Забыть личные счеты, быть честнымъ, храбрымъ, спокойнымъ и дѣятельнымъ — а тогда никакіе вампиры не будутъ опасны нашему народу.“

ЧАСОВОЙ.

Линія проволокъ острая
Кругъ обѣгаетъ змѣей.
Мрачный за нею, оторванный
Черный стоитъ часовой.
Штыкъ его въ небо врѣзается,
Ноги подъ землю вросли.
Руки безформенно-длинныя
Кажутся мнѣ до земли.

Нѣтъ языка у чудовища,
Онъ не умѣетъ сказать.
Руки затѣмъ его созданы,
Чтобы колоть и стрѣлять.
Вѣченъ, и нѣтъ ему времени...
...Годы идутъ чередой...
Тихо, за линіей проволокъ
Черный стоитъ часовой.

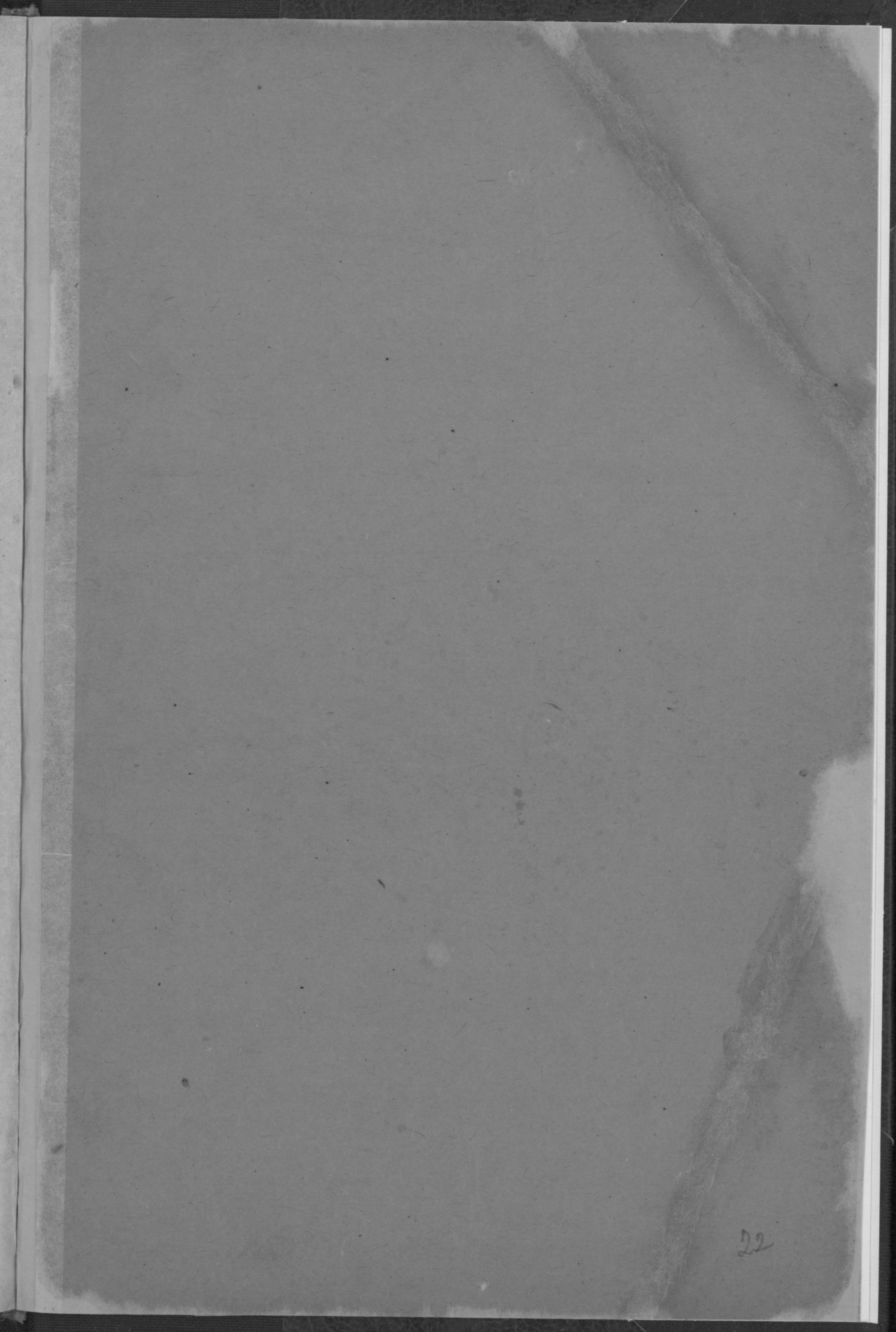

Оглавленіе.

21

22